Агентство разбитых сердец

Эмма Остин

Агентство разбитых сердец

«Автор»
2026

Остин Э.

Агентство разбитых сердец / Э. Остин — «Автор», 2026

Норе Гордеевой двадцать пять. У неё есть всё, кроме собственной жизни: дом за высоким забором, машина, карты, на которые кладут деньги, и расписанный отцом ужин, где её познакомят с сыном партнёра — воспитанным, образованным, идеальным. На этот ужин Нора не приходит.Отец блокирует карты. В коробке из-под кроссовок, куда она годами складывала бабушкины подарки, набирается двести сорок тысяч, и вместе с подругой Катрин Нора открывает агентство знакомств «Разбитые сердца», чтобы доказать: она чего-то стоит сама.Первый серьёзный клиент тих, вежлив и слишком похож на неё. А мужчина, который однажды починил ей колесо на дороге и уехал, не спросив даже фамилии, оказывается тем самым сыном партнёра.Нора умеет подбирать людям пару. Себе придётся выбрать самой — кому верить и куда бежать, когда человек, который «уже всё решил», не собирается её отпускать.

© Остин Э., 2026
© Автор, 2026

Эмма Остин
Агентство разбитых сердец

ГКатрин жила на девятом этаже, в квартире, которую ей снимал отец. Дом был новый, лифт поднимался без единого звука, и Нора всю дорогу смотрела на себя в зеркальце: помада стёрлась, глаза блестели, платье держалось. В зеркале было видно и другое: как у неё дрожит рука, которой она держала сумку, и как она эту руку прячет в карман, будто кто-то мог увидеть. Звонок она нажала дважды.

Катрин открыла сразу, будто стояла у двери.

— Ну наконец. Я думала, ты уже не приедешь.

— Как видишь, приехала. Или ты думала, я там останусь? И буду как послушная девочка сидеть за столом и хлопать глазками.

На кухне горела одна лампа над столом. На плите стоял чайник, две чашки, вазочка с печеньем, которое никто не ел. У Катрин было по-домашнему: широкий свитер на одно плечо, волосы собраны наверху карандашом, на запястье звенели три браслета. Нора скинула туфли в прихожей, прошла босиком по полу и села на стул, поджав ноги, — так она садилась с детства, когда хотела казаться меньше, чем была, или просто согреться.

— Твоя мать мне звонила, между прочим, — сказала Катрин. — Спрашивала, где ты.

— И что ты сказала?

— А что я могла сказать ей? Сказала правду, что не знаю, где ты.

— Ты молодец. Ценю тебя.

Катрин налила чай, поставила перед ней чашку и села напротив, глядя на неё в упор.

— Он правда из Америки приехал? — спросила Нора.

— Кто?

— Виктор этот. Сын партнёра моего отца. Будь он неладен.

— Говорят, симпатичный, — загадочно ответила Катрин.

— Кто такое говорит? Твоя маникюрша? — усмехнулась Нора.

— Твоя мать говорит, — Катрин засмеялась. — Она мне сегодня три раза про него рассказывала. Какой он воспитанный, какой образованный, и вообще идеальный парень.

— Воспитанный, — передразнила мать Нора. — Это значит, что он послушный мальчик своих родителей. Я представляю это недоразумение.

Она отпила чай, тот был слишком горячий, и поставила чашку обратно. Внутри у неё всё ещё сидело то, с чем она пришла: обида, которой не находилось выхода, и от этого хотелось говорить резко и как можно громче.

— Я его в глаза не видела, — сказала она. — Ни разу. Мне только сказали: приедет сын партнёра, будь дома, надень что-нибудь приличное. Как будто я собака, которую выводят на выставку. И я должна была молча подчиниться. Ага, щас.

— Ну могла бы хоть посмотреть на него сначала, — сказала Катрин. — Может, он нормальный, и не такой, каким ты его себе представляешь.

— Ага. Нормальный. Вернулся из Америки, значит, будет весь вечер рассказывать, как там всё устроено и какие у них дороги. Знаю я этих иностранцев. Маменькин сынок, ему мать до сих пор, наверное, галстук завязывает. И урод какой-нибудь. Даже не хочу с ним пересекаться.

— Ты же его не видела. А вдруг он и правда нормальный.

— Мне и не надо его видеть. Я и так всё знаю. Повторюсь: маменькин сынок. И у него, скорее всего, лицо некрасивое, как я уже говорила, урод какой-нибудь. Они американцы все одинаковые: костюм, причёска, часы, а внутри пусто. Понимаешь? В голове ничего. И зачем мне такой нужен.

Катрин повертела печенье в пальцах и положила обратно в вазочку. Она не спорила, и от этого Норе становилось только хуже: легче было бы, если бы её разозлили, а не пожалели.

— А если серьёзно? — спросила она. — Ты вообще собираешься ехать домой? Или нет?

— Собираюсь. Только ночью, когда родители спать будут.

— А если отец тебя накажет за такое поведение?

— Как? — Нора усмехнулась. — Ремня даст? Мне двадцать пять лет. Что он мне может сделать?

— Например: перестанет давать тебе деньги. Что ты тогда будешь делать? Как будешь жить?

Нора помолчала, но недолго.

— И что? Если он так поступит, то я найду работу и всё. Тоже мне проблема. Справлюсь.

— Найдёшь? Ты уверена в этом?

— Найду, не переживай. Я же Нора. Я справлюсь с любой проблемой.

— Ага, — Катрин откинулась на спинку. — Ты в прошлом месяце две недели искала себе нового парикмахера, которого так и не нашла до сих пор. А тут работа. Её нужно ещё найти, а ты привыкла жить на широкую ногу.

— Ты мне тоже будешь сидеть и лекции читать? Мне дома этого хватает.

— Я не читаю тебе лекции, я разговариваю с тобой. Хочу знать, насколько далеко ты готова зайти.

Нора отставила чашку и сказала уже спокойнее:

— Они меня продают. Ты понимаешь или нет? Они нашли себе партнёра по бизнесу и решили: отдадим дочку, породнимся, всё будет красиво и шикарно. А меня никто даже не спросил. Даже не сказали прямо, а так, вокруг да около: сядь ровно, улыбайся, будь приличной девочкой.

— Может, они правда хотят тебе хорошего. А ты в позу встаёшь.

— Хотят хорошего для себя. Не для меня. Им важны только деньги и бизнес.

Катрин встала, достала из шкафчика бутылку вина, которую держала для такого случая, и два бокала.

— Ладно, — сказала она. — Тогда давай хотя бы выпьем для настроения. А то ты совсем раздражённая.

Они просидели на кухне до половины второго. Сначала смеялись, вспоминая, как мать Норы умеет говорить «а вот Виктор, между прочим, в тридцать один год, уже вице-президент». Потом спорили, и Нора злилась уже на Катрин, на её осторожные «а если», потом опять смеялись, и от этого действительно становилось легче. Нора поймала себя на том, что за два часа ни разу не вспомнила ни о чём, кроме себя и неведомого Виктора, и подумала, что в этом, наверное, и есть смысл ночных разговоров на чужой кухне.

— Напиши им с моего, что телефон разрядился, — предложила Катрин под конец.

— Не буду я ничего писать.

— Тогда напиши, что машина сломалась.

— Я не буду ничего им писать, — сказала она твёрдо. — Пусть сидят и ждут.

— И что ты им скажешь утром?

Нора подумала, отпила вина и сказала:

— Скажу, что поняла, чего они хотели от этого ужина.

— И?

— И что в этом я не буду участвовать.

Катрин посмотрела на неё долгим взглядом, потом вздохнула.

— Ну ты и наглая.

— Я знаю, — Нора улыбнулась и потянулась за бутылкой. Тепло от вина и от чужой кухни разошлось по телу, и на минуту ей показалось, что она всё-таки сама что-то решает.

Машина остановилась у ворот дома в посёлке Липки, мотор заглох, но Нора осталась сидеть внутри. Фары погасли, и салон сразу наполнился темнотой. Ни одно окно в доме не светилось, и это было ожидаемо: время давно перевалило за два часа ночи, родители спали. Ещё минуту она держала руки на руле и разглядывала тёмные окна, и в груди у неё всё было то же, с чем она ехала от Катрин: обида, острая, как царапина, злость на них и злость на себя.

Она выбралась наружу и придержала дверцу ладонью, чтобы та не хлопнула. Ночной воздух был холодный и сырой, и платье, короткое и чёрное, с открытыми плечами, сразу перестало быть платьем и стало тряпкой. Нора поёжилась, поправила лямку сумки и посмотрела на себя в тёмное стекло машины: худая, ключицы острые, волосы, которые она весь вечер поправляла, липли к вискам, а подведённые с утра глаза расплылись, и тушь лежала под ними серыми тенями. Двадцать пять лет, а выглядела она сейчас на все тридцать, и не в хорошем смысле.

Снаружи стояла тьма, и лишь фонари вдоль всей территории дома бросали свет на дорожку, на кусты и на траву у края дорожки. Из-за этого всё вокруг делалось скорее серым, чем чёрным.

Возле машины она стянула туфли, по одной, и понесла их с собой. Босиком по дорожке идти было зябко: каждая трещина и стык между плитами отзывались в пятках. Дорожка вывела её к террасе, где стояли большой диван, два кресла, а посередине тёмный закалённый стол. Она опустилась на диван и поставила туфли рядом, на пол. Подушка была сырая от росы, и Нора подумала, что испортит платье, и тут же подумала, что ей всё равно. Тишина стояла такая, что слышно было, как шелестят листья на деревьях, ровно, без единого порыва.

Шелест не прекращался, и она сидела, глядя вдаль, туда, за фонари, где двор заканчивался и начиналась глухая темнота. Пахло цветами, тем самым запахом, который всегда её успокаивал, а теперь не успокаивал совсем. Руки у неё озябли, и она сунула их под мышки, и всё равно не могла согреться, потому что холод шёл не снаружи.

Всё дело было в том, что она знала наперёд: утром с ней будут говорить как с маленькой, отчитывая за ослушание и за вчерашний ужин, на который она не пришла. Отец станет говорить долго и ровно, и от этой ровности ей всегда хотелось кричать; мать будет вздыхать и отводить глаза, и от её вздохов будет хуже, чем от любых слов; а ей останется только молчать, и сказать в своё оправдание будет нечего. От этого чувства, что она уже виновата заранее и ещё даже не открыла рта, у неё сводило челюсть.

В двадцать пять лет Нора жила целиком на родительском содержании, нигде не работала и всё свободное время отдавала друзьям: с ними она ездила по ночным клубам, танцевала и пила. В общем, развлекалась от души. Только сейчас, в темноте, на холодном диване, при мысли о завтрашнем разговоре, это «развлекалась» вдруг прозвучало в её голове чужим голосом, и голос был отцовский.

К вчерашнему ужину родители придавали большое значение: позвали партнёра отца, его жену и их сына. Мать распорядилась накрывать в столовой и то и дело спрашивала, когда Нора собирается вернуться. С самого утра в доме стояла непривычная суета: хлопали двери, кто-то переставлял вазы, проверял, все ли приборы на месте, довольно ли блестят бокалы. Зачем всё это затевалось, было ясно и так. Дочь очень хотели выдать замуж, и непременно за богатого. А чем не жених? Сын партнёра отца.

Ей прямо ничего не сказали, но просили так, что не согласиться было нельзя: быть дома к приезду гостей. Отец произнёс это коротко, как о деле, мать прибавила, что надеть надо что-нибудь приличное. Нора в ответ кивнула, и этот кивок был самый простой, какой она умела: мол, поняла, отстаньте. А потом уехала к подруге, и всю дорогу её трясло от одной мысли, что её вот так, молча, поставили в расписание рядом с приборами и бокалами.

* * *

Наконец она поднялась с дивана, и ступни отозвались холодом: плиты за ночь остыли так, что казались мокрыми. Туфли она надела, прошла два шага и сняла обратно. Каблуки по плитке щёлкали бы на весь двор, а ей не нужно было, чтобы в доме кто-то подошёл к окну. Нора понесла туфли в руке и пошла к дому по траве, вдоль дорожки. Трава была мокрая, и ноги сразу намокли до щиколоток.

Над крыльцом горел один фонарь, слабый, и ступени под ним казались серыми. Нора поднялась, достала из кармана ключ, вставила его в замок и придержала дверь плечом, чтобы та не качнулась. Замок щёлкнул громко, как ей показалось, но в доме никто не шевельнулся. Она постояла секунду, прислушиваясь, и поймала себя на том, что стоит на цыпочках, как вор в собственном доме.

В холле пахло цветами и полиролью. Часы на стене показывали половину третьего, и маятник ходил туда и обратно с мягким стуком.

Дом был большой, поставленный ещё при деде: два этажа, лепнина под потолком, высокие окна с тяжёлыми шторами, которые мать меняла раз в три года. Нора шла через гостиную, не включая свет, и дом проплывал мимо неё, как декорация: рояль, за который её сажали в восемь лет и от которого она отбилась через два месяца; камин, где ни разу не зажигали огня, потому что камин был «для вида»; полки с книгами в кожаных переплётах, которые никто не открывал; фотографии в серебряных рамках, расставленные по размеру, — она в первом классе с бантом, она на выпускном, родители в Венеции, снова она, уже взрослая, в платье, которое ей не нравилось.

Всё это стояло на своих местах так ровно, будто в комнате только что убрали и ждали гостей. Нора знала: если сдвинуть рамку на сантиметр, мать заметит к вечеру следующего дня.

Единственное, что в этом доме жило, было на кухне — там утром гремела посудой домработница, там пахло едой, там на подоконнике лежал забытый фартук. А здесь, в гостиной, на всём лежал ровный слой тишины, и её шаги по паркету звучали слишком громко.

Нора прошла в столовую и остановилась в дверях.

Стол был пустой. Скатерть сняли, стулья стояли ровно, а на серванте в углу блестели вымытые бокалы, поставленные вверх дном на полотенце. Кто-то мыл их уже после гостей, поздно, и это значило, что её ждали до последнего. Нора смотрела на эти бокалы дольше, чем нужно, и чувствовала, как в горле становится тесно: вот здесь сидел тот самый сын партнёра, вот здесь его мать, вот здесь отец объяснял, где его дочь.

Наверх она поднималась медленно. Третья ступенька скрипела, она это знала с детства, и ступала мимо неё, ближе к перилам. В коридоре было темно, дверь в спальню родителей была закрыта, и за ней не слышалось ни звука.

В своей комнате Нора не стала включать свет. Стянула всё с себя, бросила на кресло, сунула ноги в тапочки. В зеркале на трюмо белело отражение: плечи, ключицы, растрёпанные волосы, — и она отвернулась, потому что смотреть на себя было неприятно. На телефоне горело три сообщения от Катрин: «ну как?», «ты дома?», «напиши, что всё нормально». Нора положила телефон экраном вниз и легла.

Ей не спалось. Постель была холодная, и сколько она ни подтыкала одеяло, теплее не становилось. Она лежала и представляла утро: отец за столом с чашкой кофе, мать со своими вздохами, и она сама посреди комнаты, как школьница перед директором. Ладно, не стоящая. Сидящая. Она подготовится.

— Я всё поняла, — сказала она в темноту. — И участвовать в этом не собираюсь.

Голос вышел тонкий, совсем не такой, как она хотела. Нора кашлянула и попробовала снова, жёстче, громче, с той ленивой наглостью, с какой обычно разговаривала с матерью: что поняла их план и подстраиваться под него не будет. Так было лучше. Так она и скажет, когда они начнут. И пусть только попробуют сказать ей что-нибудь про её же жизнь. Руки у неё дрожали, и она спрятала их под одеяло, чтобы не чувствовать.

О Викторе мать обмолвилась ещё вчера, между делом: сын партнёра отца, недавно вернулся из Америки, приедет вместе с родителями. Нора его не видела ни разу. Слушать про него было скучно, и она уже записала его куда следует: урод, если не снаружи, то внутри точно, и наверняка маменькин сынок, которому мать до сих пор поправляет шарф и завязывает галстук. Такого ей только не хватало. И всё-таки, засыпая, она поймала себя на мысли, что злится не на него, а на то, что его уже поставили в её жизнь, как мебель.

Она повернулась на бок, подоткнула подушку и накрылась одеялом с головой. Утром её будут отчитывать, и она уже знала, что ответит. Хватит с них и того, что она вообще вернулась в этот дом.

* * *

Разбудила её тишина. В доме не хлопали двери, не гудел пылесос, не работал телевизор в гостиной. Нора открыла глаза и долго смотрела в потолок, пока не вспомнила всё: пустую столовую, вымытые бокалы, половину третьего на часах. Телефон показывал десять минут двенадцатого. На нём висело ещё два сообщения от Катрин, оба вчерашние, и одно от матери: «Мы ждём тебя в столовой».

Нора встала, надела халат прямо на футболку, в которой спала, и вышла в коридор. У лестницы она остановилась и прислушалась. Голосов не было.

В столовой пахло кофе и подгоревшими тостами. Отец сидел во главе стола в костюме, с планшетом, в который он не смотрел. Мать сидела рядом, уже причёсанная, в платье, и перед ней стояла чашка, к которой она не притронулась. Оба подняли глаза одновременно.

— Доброе утро, — сказала Нора.

— Садись, — сказал отец.

— Я не голодная.

— Сядь, я сказал.

Она села. Не рядом с матерью, а напротив, чтобы видеть их обоих.

Отец отложил планшет, снял очки, положил их на салфетку. Нора знала эту последовательность: так он начинал разговор с человеком, которого собирался разорить.

— Вчера был не просто ужин.

— Знаю.

— Дай мне сказать. — Он поднял ладонь. — Двадцать лет я делаю дело с человеком, с которым мы открыли первый ресторан, когда у нас не было ни копейки. Теперь у нас сеть. Ты это знаешь.

— Знаю, и что? — сказала Нора.

— Вчера я хотел, чтобы ты познакомилась с его сыном. Не для того, чтобы что-то решать за тебя. Для того чтобы вы хотя бы увидели друг друга, пообщались. А вместо этого ты не пришла. Ты проигнорила мою просьбу.

— Я не пришла, потому что вы мне ничего не сказали прямо, а говорили загадками.

— Тебе сказали быть дома.

— Мне сказали надеть что-нибудь приличное. Это разные вещи.

Отец посмотрел на неё поверх стола, и Нора увидела, как у него дёрнулась челюсть, — значит, попала.

Мать вздохнула и посмотрела в сторону.

— Мы для тебя стараемся, — сказала она. — В твои годы я уже была замужем.

— В мои годы ты была замужем за папой и родила меня, — Нора откинулась на спинку стула. — Поздравляю. Мне это не нужно.

— Не груби матери, — сказал отец.

— Я не грублю. Я говорю как есть.

Отец помолчал. Потом сказал, всё так же ровно, и от этой ровности у неё заныли зубы:

— Ты живёшь в этом доме. Ездишь на машине, которую мы тебе купили. Не работаешь. Я не требую отчёта за каждую покупку. Но вчера меня спросили, где моя дочь. И мне пришлось врать.

— И что ты объяснил?

— Что ты задержалась. Что я мог ещё сказать?

— Врёшь ты красиво. — Нора поставила чашку так, что кофе выплеснулся на блюдце. — Значит, для бизнеса важно, где я? Тогда говори прямо: вы меня сватали.

— Никто тебя не сватал, — сказала мать.

— Ага. Тогда зачем партнёр привёз сына? Просто так, рассказать про Америку за ужином?

Отец снова протёр очки. Салфетка была уже мокрая.

— Я хочу, чтобы у тебя было будущее. Нормальное будущее.

— У меня оно и так есть.

— Благодаря мне.

Нора замолчала. Это было то, о чём она думала ночью, и теперь прозвучало вслух, за столом, при матери. Она не сразу нашлась, что сказать, и от этого разозлилась ещё сильнее.

— Значит, вот в чём дело, — сказала она. — Дело не в том, что я не пришла. Дело в том, что я вам дорого стою.

— Дело в том, что ты не берёшь на себя никакой ответственности, — сказал отец. — И вчера это стало видно всем, не только мне.

— Хорошо, — Нора встала. Стул отъехал и скрипнул по паркету. — Тогда я скажу вам в лицо, чтобы вы не гадали. Я всё поняла. Я поняла, что вы задумали, и участвовать в этом не собираюсь.

— Нора, — сказала мать.

— Нет, дай мне сказать. Вы решили, что мне пора выйти замуж, что сын партнёра — отличная партия, что так будет лучше для всех. Вы это решали без меня. Вы позвали его, накрыли стол, попросили меня надеть что-нибудь приличное, но ни разу не спросили, хочу ли я вообще знакомиться с каким-то Виктором, который неизвестно какой. Я вчера не пришла на этот ужин и не приду на другие, которые будут повторяться.

Отец надел очки и посмотрел на неё долгим, спокойным взглядом, от которого ей стало не по себе.

— Значит, ты всё поняла, да? — сказал он.

— Всё.

— И ты знаешь, что будет дальше?

— А что будет дальше? Перестанете давать мне деньги?

— Возможно, — сказал он.

В столовой стало тихо, так тихо, что слышно было, как на кухне капает кран.

— Ну и ладно, — Нора пожала плечами. — Проживу как-нибудь.

Она вышла из столовой, дошла до лестницы и только там поняла, что руки у неё дрожат. Наверху она закрыла дверь своей комнаты, села на кровать и посмотрела на телефон. Катрин уже написала: «Ну как ты там?»

Нора ответила: «Всё нормально. Живу дальше».

* * *

К часу дня в доме стало совсем тихо. Отец уехал в офис, мать закрылась у себя, и только на кухне гремела посудой домработница. Нора надела джинсы, футболку, схватила с полки сумку, сунула в неё телефон и ключи и вышла, не попрощавшись.

Машина стояла на своём месте. Нора села, завела её и выехала за ворота с чувством, будто её выпустили из клетки. На улице было солнечно, будний день, и город жил своей жизнью: кто-

то шёл с кофе, кто-то ругался на светофоре. Она остановилась у кофейни, где обычно брала латте, и вышла без всякого плана, просто чтобы ещё немного не быть дома.

— Большой латте и круассан с миндалём, — сказала она.

Девушка за стойкой пробила заказ и протянула терминал. Нора приложила карту. Терминал пискнул и показал, что оплата не прошла.

— Оплата не прошла, — сказала девушка. — Попробуйте ещё раз.

Нора приложила снова. То же самое. Она достала вторую карту, которой почти не пользовалась, и приложила её. То же самое.

За спиной кто-то переступал с ноги на ногу. Нора почувствовала, как горят уши.

— Извините, — сказала она. — Сейчас.

Она отошла к окну и набрала номер банка. Ответили быстро, вежливо, и после минуты объяснений оператор сказал то, чего она ждала и всё равно не ожидала услышать:

— По вашему счёту приостановлены операции. Распоряжение владельца счёта.

— Владельца счёта, — повторила Нора. — То есть моего отца.

— Да, — сказал оператор. — Если хотите, я могу соединить вас с отделом...

Она нажала отбой.

Потом набрала отца. Длинные гудки, потом голос: «Абонент не отвечает». Она набрала ещё раз, потом написала: «Пап, это уже не смешно». Сообщение ушло и осталось висеть с одной галочкой.

Мать тоже не взяла трубку.

Нора вернулась к стойке и попросила прощения. Девушка сказала, что ничего страшного, но кофе уже не пах так, как минуту назад.

К Катрин она приехала злая. Катрин открыла дверь и сразу всё поняла по лицу.

— Что случилось?

— Всё, — сказала Нора и прошла на кухню. — Он заблокировал мои карты.

— Прям все?

— Да. Я в кофейне стояла как дура. Приложила, не прошло, второй раз не прошло, потом взяла вторую карту. То же самое. За мной выстроилась недовольная очередь.

Катрин налила ей воды из-под крана — Нора впервые за долгое время пила простую воду, а не что-нибудь из холодильника, — и потом села рядом.

— Может, ты поговоришь с ним? — спросила она.

— Я с ним уже говорила. Утром. Ты знаешь, что он сказал? «Возможно». А через два часа — бах, и карты мои заблокированы.

— Он тебя так воспитывает.

— Он меня шантажирует. Думает, что я приползу и попрошу у него прощения.

— А ты не приползёшь?

Нора посмотрела на неё и не сразу ответила.

— Я не поехала на смотрины, — сказала она наконец. — Что я, прощение просить должна? За то, что не хочу, чтобы меня продавали, как в прошлом веке?

— Ты можешь просто сказать: папа, я не хотела тебя подставить. И поговорить с ним нормально. Без ругани.

— Нормально с ним нельзя говорить. У него всё по инструкции.

Катрин достала кошелёк и положила на стол несколько купюр.

— Возьми. Пока тебе хватит.

Нора смотрела на деньги, и внутри у неё что-то дёрнулось: унижение было сильнее, чем она думала. Но она взяла их.

— Я тебе отдам потом, — сказала она.

— Не сомневаюсь, что отдашь.

Домой она вернулась к вечеру. В гостиной горел свет, мать сидела в кресле с книгой, которую не читала. Нора остановилась в дверях.

— Отец дома?

— Нет. Он вернётся поздно.

— Значит, он со мной разговаривать не хочет.

Мать закрыла книгу и положила её на колени.

— Он не спит второй день, — сказала она. — Ты понимаешь, что ты натворила? Он планировал этот ужин полгода. А это не только для тебя. Это для его дела, для его партнёра, для всего того, чем мы живём.

— Значит, это все для бизнеса.

— И для тебя тоже. Мы же не враги, Нора.

Нора ждала, что мать скажет ещё что-нибудь, что проговорится. Мать не проговорилась. Она держала книгу закрытой и смотрела не в неё, а мимо, в угол, и лицо у неё было такое, будто она уже знает, чем всё это кончится, и говорить об этом не собирается.

— Вы заблокировали мои карты.

— Это сделал отец.

— А ты знала. По-любому знала о его решении.

Мать помолчала и не стала отпираться.

Нора обошла кресло, села на подлокотник дивана и сказала уже спокойнее, чем ожидала от себя:

— Я не приползу к нему и извиняться не буду. Скажи ему это. Я не хочу человека, которого мне подобрали, как сумку в магазине. Я вообще его не видела. Может, он по-любому урод, а может, у него в Америке вообще невеста, а вы об этом никого не спросили.

— Мы бы спросили.

— Вы уже всё решили. И ещё. Скажи ему, что я найду себе работу.

Мать подняла на неё глаза.

— Какую работу?

— Любую, — сказала Нора. — Первую же, на какую возьмут.

Мать посмотрела на неё долго, потом взяла книгу обратно.

— Посмотрим, надолго ли тебя хватит, — сказала она.

Нора поднялась по лестнице к себе и закрыла дверь. В комнате было темно, на телефоне горело сообщение от отца: «Завтра поговорим».

Ночью она проснулась от того, что внизу хлопнула входная дверь. Часы на телефоне показывали начало второго. Нора лежала и слушала: шаги в холле, щелчок замка в кабинете, потом голос — отцовский, приглушённый и ровный, каким он говорил по работе.

Она встала, подошла к двери и приоткрыла её.

— Нет, — говорил отец. — Пока не трогай. Я сказал: пока.

Пауза. Он слушал долго, и Нора слышала, как он дышит и как поскрипывает кресло.

— Она не должна знать, — сказал он. — Ни она, ни мать.

Нора стояла босиком на холодном полу и боялась дышать.

— Завтра, — сказал отец. — Не раньше. И без самодеятельности, я тебя прошу.

Он положил трубку. Нора успела отойти от двери и лечь, и слышала, как он поднимается по лестнице, как останавливается у её двери, стоит, а потом идёт дальше. Утром он вёл себя так, будто ночного разговора не было.

* * *

Разговор с отцом на следующее утро вышел коротким. Он сказал то же, что и мать, она ответила, что извиняться не станет, и они разошлись по своим делам. А ещё через день она достала из шкафа коробку из-под кроссовок, в которой лежало всё, что она много лет складывала «на чёрный день»: подарки бабушки на дни рождения, деньги, снятые с карты «чтобы не

видно было», и конверты, которые она даже не открывала. На верхнем конверте её имя было написано бабушкиным почерком, и она отложила его в сторону, не читая: на такие вещи она смотреть не могла. Она вытряхнула содержимое на кровать и пересчитала. Двести сорок тысяч.

Нора села рядом с деньгами и засмеялась. Всю жизнь ей казалось, что это мелочь, что на такое не проживёшь и недели, а теперь это были её собственные, ни от кого не зависящие деньги.

Она позвонила Катрин.

— У меня есть наличные, — сказала она вместо приветствия. — Двести сорок тысяч.

— Чего?

— Двести сорок тысяч.

Через полтора часа они сидели на кухне у Катрин и считали деньги. Катрин выложила на стол свои сто восемьдесят, вышло четыреста двадцать тысяч, и они разложили купюры по кучкам, как в детстве, когда играли в магазин.

— И что мы с этим будем делать? — спросила Катрин.

— Не знаю. Что-нибудь придумаем.

— Купим по сумке и всё?

— Нет, какие сумки, ты что.

Нора смотрела на деньги и думала. Недавно она сказала матери, что найдёт работу, первую, какую найдёт, туда и пойдёт работать, и слова эти висели на ней, как ценник. Работать официанткой она не умела. В офисе с девяти до шести она бы не выдержала и недели. Нужно придумать что-то свое.

— Слушай, — сказала она. — А на чём вообще делают деньги?

— На всём. На еде, на одежде, на квартирах.

— И на людях.

— Что? — переспросила Катрин.

— Люди платят за то, чтобы им было хорошо. За еду, за тряпки, за отдых. А за любовь?

Катрин засмеялась.

— Ты предлагаешь открыть бордель?

— Дура. Я предлагаю помогать людям знакомиться. Найти им свою вторую половинку.

Она сама не ожидала, что скажет это, но, сказав, поняла, что мысль ей нравится. Все её подруги вечно страдали из-за мужчин. У Катрин полгода назад был парень, который ушёл к другой, и она три месяца плакала, потом удалила все фотографии, потом восстановила. За это, кажется, можно брать деньги.

— Для этого есть сайты знакомств, — сказала Катрин. — И приложения. Там всё бесплатно.

— Там ты сидишь и сама разбираешься, кто тебе пишет. А у нас будет по-другому. Человек приходит, рассказывает, что у него случилось, а мы подбираем ему пару. По-настоящему, а не по фотографии.

— Ты в этом разбираешься?

— Я разбираюсь в людях, — сказала Нора. — И я умею производить впечатление.

Катрин посмотрела на неё иначе, чем прежде.

— А название?

— «Разбитые сердца», — сказала Нора. — Нормально же?

— Даже не знаю.

— Над названием мы, конечно, ещё подумаем, но мне нравится и это.

Они просидели до вечера. Придумали объявление, посмотрели, сколько стоит реклама, решили, что офис пока не нужен, пусть клиенты приходят сюда, на кухню, за чаем. Катрин записывала в блокнот, Нора ходила по кухне и говорила, что всё получится, что через год они снимут настоящий офис, что у неё уже есть идея, как найти первых клиентов.

— И как? — спросила Катрин.

— Пойдём туда, где люди страдают. Клубы, курсы, всякие встречи.

— Ты уверена?

— Нет, — сказала Нора. — Но я устала зависеть от отца и его правил.

Она вернула Катрин её деньги, и та пересчитала их дважды.

— Ты знаешь, что в бизнесе главное? — спросила Нора на прощание.

— Что?

— Чтобы было с кем. Ну и чтобы были деньги.

Она вышла на улицу, и вечер был тёплый, и впервые за двое суток ей не было страшно. У соседних ворот стояла машина с погашенными фарами. Нора прошла мимо, и машина завелась — тихо, с полоборота. Она обернулась. Машина уже выезжала на дорогу, и номер был залеплен грязью, а на заднем крыле белела длинная царапина, будто кто-то провёл ключом. Нора постояла, глядя ей вслед, и решила, что показалось. Она подумала, что была влюблена за всю жизнь пару раз, и оба раза безответно, и что это, пожалуй, хорошо: клиентам не обязательно об этом знать.

Глава 2

Двести сорок тысяч, найденные в коробке из-под кроссовок, лежали у Норы в сумке. На следующее утро Катрин принесла свои сто восемьдесят снова — накануне Нора их вернула. Взяла она их не сразу: это было всё, на что они могли рассчитывать, и с этим они начали искать помещение.

На кухне у Катрин пахло вчерашним кофе и лаком для ногтей. Нора сидела верхом на стуле и листала объявления на ноутбуке. Катрин стояла у неё за спиной и держала чашку обеими руками.

— Вот это, — сказала Нора и повернула экран. — Первый этаж, шестьдесят метров, витрина на улицу. Девяносто тысяч.

— Дорого.

— Дорого, — согласилась Нора и открыла следующее объявление. — А это в подвале. Дешевле, но там ни одного окна.

— Значит, никто не зайдёт.

— Значит, никто не зайдёт, — повторила Нора.

Они искали так уже несколько дней. Сначала решили, что офис не нужен: клиенты будут приходить сюда, пить чай, рассказывать. На второй день Катрин сказала, что так нельзя. На кухне у неё один стол и один диван, а если придёт человек со своей бедой, ему нужно место, где он не будет думать, что мешает чужому ужину.

Нора тогда поспорила, потом согласилась. В её жизни всё равно не было ничего, чем она могла бы заниматься с утра до вечера.

— Нашла, — сказала она на четвёртый день. — Смотри. Малая Бронная, первый этаж, бывшая парикмахерская. Шестьдесят пять квадратов, отдельный вход, витринные окна. Семьдесят тысяч.

— И почему парикмахерская съехала?

— Потому что у них было три кресла и одна мастерица. А у нас будет что-то посерьёзнее.

Катрин поставила чашку и вздохнула.

— Съездим?

— Съездим.

Риелторша ждала их у подъезда, в красном пальто, с папкой под мышкой, и сразу начала говорить про проходимость. Нора её почти не слушала. Она смотрела на дом: старый, пять этажей, лепнина над окнами, во дворе растёт липа. Из подъезда вышла женщина с собакой, за ней мальчик с рюкзаком, за мальчиком — двое мужчин в пиджаках, которые спорили о чём-то и смеялись. Обычный дом, обычная улица, и в этом было что-то успокаивающее.

Дверь в помещение была низкая, деревянная, с облупленной краской. Риелторша отперла замок, толкнула дверь, и внутри загорелась лампочка под потолком.

Зал был длинный, с высокими потолками и двумя большими окнами на улицу. На стенах остались светлые прямоугольники от зеркал, у стены лежал рулон линолеума, а на подоконнике стояла забытая банка из-под лака. Пахло краской, пылью и слегка — сыростью.

— Тут был ремонт три года назад, — сказала риелторша. — Хозяин делал под себя, потом передумал и уехал.

Катрин прошла вглубь и приоткрыла дверь в подсобку. Там стояли две полки и старое кресло без колёс. Дальше была узкая комната с раковиной и туалетом.

— А это что? — спросила Нора, кивнув на противоположную стену.

— Это вторая подсобка, — сказала риелторша. — Раньше там хранили краску.

Нора открыла дверь. Комната была тесная, с одним окном под потолком, и Нора сразу решила, что здесь будет её кабинет. Она поняла это раньше, чем успела подумать.

— Сколько? — спросила она.

— Семьдесят тысяч в месяц, плюс депозит.

— Хозяин говорил шестьдесят пять.

Риелторша посмотрела в свою папку.

— Хозяин говорил семьдесят.

— Я ему звонила вчера, — сказала Нора спокойно. — Он сказал: шестьдесят пять, если ремонт косметический, своими силами. Я даже записала.

Она достала телефон и показала экран. На экране была переписка, и в ней хозяин действительно писал «65, если без вас делать будем». Риелторша поджала губы и позвонила.

Через минуту она сказала:

— Шестьдесят пять. Депозит один месяц, коммунальные сверху.

— Сделка, — сказала Нора и протянула руку, чтобы расписаться в листке, который риелторша достала из папки.

— Ты уверена? — тихо спросила Катрин.

Нора обернулась. Катрин стояла у окна и смотрела на улицу, и по её лицу было видно, что она считает про себя.

— Здесь утром ходят люди, — сказала Нора. — Не вечером, не ночью, а утром, на работу. Пять минут от метро. Окна на улицу. Нам повезло.

— Мне всю жизнь платил папа, — сказала Катрин. — И тебе твой. Я не знаю, как это — платить самой.

— Я тоже не знаю.

— И что?

— Вот и узнаем, — сказала Нора и расписалась.

Риелторша выдала им ключи, два комплекта, и листок с номером телефона хозяина. Когда она ушла, они остались вдвоём посреди пустого зала с облупленными стенами. В окна падал свет, и в этом свете было видно каждую трещину на полу.

Катрин медленно прошла от стены к стене, туда и обратно.

— Ну и что мы будем здесь делать?

— Ремонт, — сказала Нора. — И вывеску нужно заказать.

— А если у нас не получится?

Нора посмотрела на неё и не стала говорить, что получится.

— Тогда мы будем знать, что попробовали, — сказала она.

Вывеску заказывали в мастерской на соседней улице. Хозяин, мужчина в очках на шнурке, вышел из-за прилавка и разложил перед ними альбом с фотографиями.

— Что писать будем?

— «Разбитые сердца», — сказала Нора.

Мастер поднял бровь.

— Прямо так и писать? Сердца?

— Прямо так.

Катрин стояла рядом и смотрела на альбом.

— Точно? — спросила она тихо. — Мы вчера до ночи думали.

— Точно, — сказала Нора. — Пусть будет честно. Люди будут приходить к нам с разбитыми сердцами, мы их не обманываем, мы им помогаем.

— А если кому-то не понравится это название?

— Ну, кому оно может не понравиться?

Мастер листал альбом и показывал варианты: с трещиной посередине, с сердцем, пронзённым стрелой, с простой надписью без рисунка. Нора выбрала последний.

— Без рисунка? — удивилась Катрин.

— Без. Нам не нужен рисунок. Нам нужно, чтобы человек видел слова и понимал, куда идёт.

Вывеска вышла в двадцать восемь тысяч вместе с монтажом. Её обещали повесить через неделю, а пока мастера измерили фасад, записали размеры и уехали.

Мебель искали так же, как помещение: по объявлениям, на складах, в комиссионках. Два дивана с выцветшей обивкой нашлись в магазине, который закрывался из-за переезда, и хозяин отдал их за сорок тысяч вместе с двумя креслами, потому что забирать надо было сегодня. Стол и шесть стульев Нора торговала на складе почти час, пока продавец не сказал: «Ладно, забирайте, только сами выносите».

— Он сдался, — сказала Катрин, когда они грузили стол в фургон.

— Он не сдался. Он понял, что мы не уйдём.

Потом были торшер с абажуром, огромный стеллаж, который они вдвоём не смогли поднять и попросили дворника помочь, и зеркало в тяжёлой раме, найденное в комиссионке за три тысячи.

Растения привезли в пятницу, в багажнике Катрин. Нора тогда ещё не понимала, зачем их столько, а потом поставила три горшка у окна, и зал сразу стал похож на комнату.

— Хоть кто-то тут живой, — сказала Катрин и полила фикус из бутылки.

Покраска заняла четыре дня. Потолок они отдали мастерам, а стены красили сами, в два валика, и к вечеру второго дня у Норы не разгибалась спина. Катрин работала в старых леггинсах и футболке, волосы собрала в пучок, и Нора впервые видела, как её подруга делает что-то руками, а не сидит с чашкой.

— Мы не успеваем, — сказала Катрин на третий день.

— Успеваем.

— Нора.

— Успеваем, — повторила она. — Раньше встанем, раньше закончим.

Они встали позже, закончили позже, но всё-таки закончили. В субботу к обеду в зале пахло краской и чуть-чуть кофе, который они варили в турке прямо в подсобке. Диваны стояли вдоль стены, стеллаж был заполнен книгами, которые принесла Катрин и которых она не читала, а на окнах висели простые белые шторы.

Вывеску повесили в среду. Нора приехала к восьми утра, хотя монтажники обещали к десяти, и полчаса ходила по улице, поглядывая на фасад. Потом подъехали двое с лестницей, и над дверью, над старым деревянным наличником, появились две буквы, потом слово, потом всё остальное.

— «Разбитые сердца», — прочитала Катрин, стоя на тротуаре.

Нора смотрела вверх, задрав голову. Мимо шла женщина с собакой, остановилась, прочитала и пошла дальше.

— Ну, — сказала Катрин. — Поздравляю.

— Рано.

— Рано, — согласилась Катрин. — Но уже есть с чем. Мы всё-таки это сделали.

В зал они вернулись вдвоём, заперли дверь и сели на пол между диванами, потому что сесть больше было некуда: стулья ещё стояли один на другом. Нора вытянула ноги и посмотрела на потолок.

— Смотри, — сказала она. — Свет падает.

Солнце шло через витрину и ложилось на пол длинным тёплым прямоугольником, и в этом прямоугольнике плавали пылинки.

— Вижу, — сказала Катрин. — Пыль.

Нора засмеялась. За окном кто-то прошёл, чья-то тень скользнула по стене, и на секунду ей показалось, что это первый клиент.

В начале девятого вечера она закрыла зал и поехала домой. Улицы были мокрые после дождя, фары отражались в асфальте, и она ехала медленно, слушая радио. На повороте машину повело вправо, руль стал тяжёлым, и Нора остановилась у обочины.

Правое переднее колесо было плоское. Машина стояла на нём, как на разрезанной подошве.

Нора достала телефон и позвонила в сервис. Там ответили вежливо и сказали, что ближайшая бригада освободится через час, может, полтора. Нора сказала «спасибо», положила трубку и посмотрела на дорогу. Водить она умела, заправлять умела, мыть умела. Менять колесо — нет.

Позади затормозила машина, тёмная и не новая, из неё вышел парень в светлой рубашке с закатанными рукавами. Высокий, коротко стриженный.

— Помочь? — спросил он.

Нора посмотрела на него с ног до головы.

— А вы сможете поменять колесо?

— Смогу.

— Тогда помогите.

Он улыбнулся, но ничего не сказал: открыл её багажник, достал домкрат, запаску, баллонник и принялся за работу. Действовал он спокойно, будто делал это сотню раз. Поднял машину, открутил гайки, снял колесо.

— Запаска у вас тоже не очень, — сказал он. — До дома доедете, но лучше в шиномонтаж.

— Я знаю, — сказала Нора.

— И вы всегда так разговариваете с теми, кто вам помогает?

— Смотря с кем.

Он закрутил последнюю гайку, опустил домкрат и выпрямился. Ладони у него были в чёрной смазке, и он вытер их тряпкой, которую достал из своей машины.

— Как вас зовут? — спросила Нора.

— Виктор.

Нора засмеялась.

Она смеялась долго, громче, чем собиралась, и никак не могла остановиться. Перед глазами стоял отец за столом, его очки на салфетке и его «я хочу, чтобы ты познакомилась с его сыном». Виктор. Отцовский Виктор сидит сейчас где-нибудь в ресторане, в костюме, с бокалом, а она стоит на обочине с пробитым колесом, и рядом с ней обычный Виктор.

— Что? — спросил он. — Что не так?

— Ничего, — сказала она и вытерла глаза. — Простите. Не обращайте внимания, я о своём. Просто Виктор. Хорошее имя.

— Спасибо. Мне его выбрали без меня.

Она снова засмеялась, но уже тише.

— А вас как?

— Нора.

— Нора, — повторил он. — Такого имени я ещё не слышал.

— В честь бабушки.

Он бросил тряпку в багажник и хлопнул крышкой.

— Нора, у меня предложение. Тут за углом кофейня, я весь в масле, а вы, судя по всему, весь вечер простояли бы у дороги и ждали сервис. Пойдёмте пить кофе.

Нора посмотрела на своё колесо, на его машину, на пустую улицу.

— А если я спешу?

— Вы не спешите.

Он угадал, и это её немного задело.

В кофейне было тепло и почти пусто. Виктор взял два эспрессо, потом посмотрел на Нору и добавил две булочки. Они сели у окна, и он вымыл руки в туалете, вернулся и сел напротив.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он.

— Открыла своё дело. Агентство.

— Какое?

— «Разбитые сердца». Помогаем людям знакомиться.

Он поднял брови и засмеялся.

— То есть вы сваха?

— Я не сваха. Свахи сидят с шалями и говорят «милок». А я подбираю людям пару.

— И много уже подобрали?

— Пока никому. Мы только открылись. То есть повесили вывеску.

— Значит, всё впереди.

— А вы чем занимаетесь?

— Работаю у отца, — сказал он. — Пока.

— Пока?

— Пока не надоест.

— А что у него? — спросила Нора.

— У него? — Виктор помолчал. — У него всё хорошо.

Сказано это было так, что она поняла: не всё и не хорошо. Но спрашивать дальше было неловко, и она не спросила.

У него в кармане зажужжал телефон. Он вынул его, посмотрел на экран и сбросил.

— Отец, — сказал он, будто извиняясь. — Перезвоню.

— Что-то срочное?

— Не знаю. — Он положил телефон экраном вниз. — У него всегда что-то срочное.

И в этом «всегда» было столько усталости, что Норе на секунду стало его жаль, а потом она подумала: интересно, что у него за отец, если взрослый мужчина сбрасывает его звонки и говорит о нём так, будто это погода, которая испортилась на неделю.

Нора отпила кофе и посмотрела на него поверх чашки. Красивым он не был: лицо простое, нос с горбинкой, брови слишком тёмные. Но с ним было легко, и он не старался произвести впечатление, и это было приятнее, чем всё, что она видела за последние недели.

— Вы всегда останавливаетесь, когда у кого-то колесо повредилось? — спросила она.

— Нет. Только когда человек на дороге стоит один и злится, и тем более если это девушка.

— А я злилась?

— Вы стояли и смотрели на колесо так, будто оно вам должно.

Нора фыркнула.

— Ну а звонить по такому поводу принято? — вдруг спросила она у него.

Он подвинул к ней салфетку, в которой написал свой номер.

— Если ещё будут проблемы с колесом, то, конечно же, звоните.

— А если я позвоню не из-за колеса, а просто так?

— Тогда тем более звоните. Я буду рад.

Она вбила его номер в телефон и назвала свой.

— Я запишу вас как «Виктор с колесом», — сказала она.

— А я вас как «Нора без колеса».

Они вышли на улицу вместе. Дождь уже кончился, пахло мокрым асфальтом и кофе. Виктор ждал, пока она сядет в машину и заведётся, и только потом уехал.

Домой Нора приехала в начале одиннадцатого. Ворота открылись, фонари во дворе горели, и в доме было светло: мать, как всегда, ждала её в гостиной.

Телефон пискнул, когда она ставила машину. «Доехали?» — написал Виктор.

Нора посмотрела на экран и улыбнулась.

«Доехала. Спасибо вам за колесо».

«Всегда рад. Удачи с сердцами».

Она убрала телефон в сумку и пошла к дому. И только у двери подумала: интересно, тот Виктор, которого нашёл ей отец, наверное, совсем другой человек.

В гостиной горела одна лампа, и мать сидела в кресле с книгой. Она подняла глаза, и Нора сразу поняла: отец уже всё знает.

— Отец ждёт тебя в кабинете, — сказала мать. — Он вернулся в девять. Он всё знает.

— Что всё?

— Что ты открыла это своё… — мать поискала слово. — Заведение.

Нора прошла мимо неё, не сняв пальто, и поднялась на второй этаж. Дверь в кабинет была приоткрыта, за ней горел свет.

Отец сидел за столом в рубашке, без пиджака, рукава закатаны, перед ним лежали бумаги и стояла чашка чая, к которой он не притрагивался. Он не предложил ей сесть.

— Закрой дверь, — сказал он.

Нора закрыла.

— Мне сегодня позвонили, — начал отец. — Два человека. Первый спросил, правда ли, что моя дочь открыла на Малой Бронной заведение под названием «Разбитые сердца». Второй прислал фотографию вывески. Восемь утра, я ещё не пил кофе, а у меня в телефоне висит вывеска, на которой написано «Разбитые сердца». Ты понимаешь, как это выглядит?

— Как вывеска.

— Не остри.

— А что ты хочешь услышать? Что я открыла агентство? Да, открыла. Сняла помещение, сделала ремонт, повесила вывеску. Всё, теперь ты в курсе.

Отец откинулся на спинку кресла.

— Агентство, — повторил он. — По знакомству.

— По знакомству людей.

— Ты. Моя дочь. Которая ни дня в жизни не работала. Открывает агентство по знакомству.

— Уже открыла.

— И кто к тебе пойдёт? — спросил он ровно. — Кто пойдёт к девочке, которая в двадцать пять лет не знает, сколько стоит хлеб? У тебя есть образование? Нет. Есть опыт? Нет. Есть имя? Есть. Моё имя. И ты его сейчас тратишь на вывеску, которую все обсуждают.

Нора стояла посреди кабинета и слушала, и с каждым словом ей хотелось сказать что-нибудь такое, чтобы он замолчал.

— Люди приходят с бедой, — сказала она. — Им плохо, их бросили, они не знают, что делать. Я помогаю им найти друг друга. Это не позор.

— Это бизнес, в котором ты ничего не понимаешь.

— Пойму.

— Не поймёшь. Ты бросишь это через полгода, когда кончатся деньги, а деньги у тебя кончатся к весне. И что тогда? Придёшь ко мне и попросишь помощи.

— Не приду.

— Придёшь, — сказал отец спокойно.

Он встал, подошёл к окну и посмотрел на двор, где горели фонари.

— И ещё, — сказал он. — С Виктором тебе всё равно нужно познакомиться. Он здесь уже неделю, он ждёт твоего звонка, номер я тебе дам. Позвони ему. Встреться. Просто поговори с человеком, никто тебя не заставляет выходить за него замуж прям завтра.

— К чёрту твоего Виктора, — сказала Нора.

Отец обернулся.

— Что ты сказала?

— К чёрту твоего Виктора, — повторила она. — И знакомство с ним. И тебя, если ты собираешься торговать мной, как рестораном. Хочешь породниться с партнёром — сам за него выходи.

Отец молчал. Он смотрел на неё так, как смотрят на человека, которого давно знают и который вдруг оказался незнакомым.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сказала?

— Понимаю. Тебе это не понравилось.

Он вернулся к столу, сел и придвинул к себе чашку.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай, как взрослая. Через год твоё агентство либо будет работать, либо нет. Если будет, я первый скажу, что ошибался. Если нет, ты вернёшься, извинишься и начнёшь жить как все. Но пока ты позоришь меня в городе, где у меня рестораны. Я не могу зайти к партнёру, чтобы он не спросил, а как дела у дочки в агентстве.

— Скажи ему, что дочка открыла бизнес.

— Скажу, что дочка играет в бизнес.

Нора почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда запомни сегодняшний разговор. Через год, когда «Разбитые сердца» будут знать в городе лучше, чем твои рестораны, я напомню тебе это слово. Играет, да?

— Нора.

— Спокойной ночи, папа.

Она вышла из кабинета, не хлопнув дверью, потому что хлопнуть означало проиграть. В коридоре она постояла, прижав ладонь к горящей щеке, и пошла к себе.

В комнате она достала телефон и написала Катрин: «Завтра открываемся. И работаем по-настоящему».

Катрин ответила через минуту: «Как прошло?»

Нора посмотрела на экран, потом на тёмное окно, потом снова на экран.

«Как всегда. Мы всё делаем правильно».

Она легла, не раздеваясь, и в этот момент телефон пискнул ещё раз. Номер был знакомый, с колеса, но она уже знала, кто это.

«Видел сегодня вашу вывеску. Впечатляет. Виктор».

Нора лежала и смотрела на эти две строчки, и почему-то с ними в комнате становилось теплее.

Утром они открылись в десять. Катрин принесла вазу с цветами, купленными по дороге, Нора — пакет с печеньем и две упаковки кофе. Табличку «Открыто» они повесили на дверь ещё вчера вечером, и теперь она висела, белая, с чёрными буквами, и смотреть на неё было странно.

— Может, надо было написать «Добро пожаловать»? — спросила Катрин.

— Не надо. Люди не любят, когда их заманивают.

Они сели в кресла у окна и стали ждать. За окном шли люди: женщина с коляской, двое мужчин с рюкзаками, девушка в наушниках, которая остановилась, прочитала вывеску и пошла дальше.

— Она прочитала, — сказала Катрин.

— Прочитала.

— И не зашла.

— А ты бы зашла?

Катрин подумала.

— Я бы, наверное, тоже не зашла.

В одиннадцать зашёл мужчина в кепке, спросил, нет ли тут парикмахерской, и ушёл, извинившись. В двенадцать заглянула женщина с собакой, но ничего не сказала и закрыла дверь. В час они выпили кофе. В два Катрин предложила выйти на улицу и начать зазывать прохожих, и Нора сказала, что если она это сделает, то обратно её уже не впустит.

— Может, объявление в интернете дать? — спросила Катрин.

— Уже. Вчера выложила.

— И что?

— Ничего. Два просмотра. Один мой, второй твой.

К четырём часам Нора сама начала сомневаться. Она сидела в кресле, смотрела на пустую улицу и думала про слова отца: «Ты бросишь это через полгода, когда кончатся деньги». Тогда, в кабинете, они казались просто словами. Сейчас, в пустом зале с расставленными стульями, они стали похожи на план.

— Нора, — тихо сказала Катрин. — А если правда не пойдёт?

— Пойдёт.

— А если нет?

Нора посмотрела на неё.

— Тогда мы будем знать, что попробовали. Мы это уже говорили.

Катрин кивнула и стала собирать со стола чашки.

В двадцать минут шестого дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет пятидесяти, в сером пальто и с большой сумкой на плече. Она вошла на полшага, остановилась и посмотрела вокруг так, будто попала не туда.

— Здравствуйте, — сказала Нора и встала. — Проходите.

Женщина перевела глаза с дивана на растения, с растений на Нору.

— У вас тут правда… — начала она и замолчала.

— Правда, — сказала Нора.

— Мне сказали, что тут помогают.

— Помогаем.

Женщина продолжала стоять у двери.

— Я, наверное, не так себе это представляла.

— А как вы себе представляли?

Она посмотрела на сумку, которую держала перед собой, как щит.

— Не знаю. Я думала, тут будут сидеть люди в очках, с бумагами. Я шла мимо, увидела вывеску, и как-то…

— И как-то решились, — сказала Нора.

— Я тридцать лет замужем, — сказала женщина. — Была.

Катрин поставила чашки обратно на стол.

Нора подошла к ней и коснулась её локтя.

— Пойдёмте, — сказала она. — Сядем. Я налью вам чаю, и вы мне всё расскажете. С самого начала.

Женщина посмотрела на неё, и в её глазах было столько всего сразу, что Нора впервые за это время почувствовала: вот оно.

Дверь за ними закрылась, и на табличке всё ещё было написано «Открыто».

Её звали Лидия Петровна. Она сняла пальто, повесила его на спинку стула, села и положила сумку на колени, не выпуская её. Нора принесла чай в двух чашках, Катрин придвинула печенье.

— Рассказывайте, — сказала Нора.

— С чего?

— С чего хотите. Хоть с начала, хоть с конца.

Лидия Петровна посмотрела на чашку, потом на Нору, потом на Катрин.

— Тридцать лет, — сказала она. — Я даже не помню, как это, жить одной. Я не знаю, с чего начать.

— Начнём с малого, — сказала Нора и открыла блокнот. — Как его зовут?

Она задала первый вопрос, и в пустом зале, где ещё утром пахло только краской, стало слышно, как на улице кто-то смеётся и как тихо идёт дождь.

— Сергей, — сказала Лидия Петровна. — Сергей Николаевич. Мы познакомились, когда мне было двадцать два: он пришёл к нам в институт читать лекции.

Нора записала имя и поставила рядом вопросительный знак, смысла которого сама не поняла.

— А теперь? — спросила она.

— А теперь он живёт у своей массажистки.

Катрин тихо вздохнула. Нора, не поднимая глаз, толкнула её коленом под столом.

— А давно он у неё? — спросила Нора.

— Полгода, — сказала Лидия Петровна. — Может, больше. Я узнала в марте. Он сказал, что устал, что я его не слышу, что дома ему тяжело. А я тридцать лет готовила, стирала, детей растила. Двое уже взрослые, живут отдельно, звонят по воскресеньям. И вот я сижу в квартире одна, и у меня такое чувство, что меня из неё вынесли вместе с мебелью.

Нора записывала быстро, короткими строчками, и в какой-то момент поймала себя на том, что не знает, что говорить дальше. Катрин рядом тихо подвинула к Лидии Петровне печенье.

— Вы хотите вернуть его? — спросила Нора.

Лидия Петровна посмотрела на неё.

— Не знаю. Наверное, нет. Просто я не понимаю, как теперь. Я даже не знаю, что я люблю. Всю жизнь выбирала, что любят они.

— Тогда начнём с этого, — сказала Нора. — Не с мужчин. А с вас.

Она перевернула страницу в блокноте.

— К субботе напишите мне список. Небольшой, десять пунктов. Что вам нравится. Не что нужно, не что правильно, а что нравится. Еда, музыка, запахи, куда хочется пойти. Всё равно что.

— Десять пунктов?

— Хоть пять. И ещё одно задание. В субботу вечером вы никому ничего не готовите и никого не ждёте. Идёте туда, где вам никогда не приходило в голову пойти одной.

— Куда, например?

— Не знаю. Это ваш список.

Лидия Петровна посмотрела в блокнот, потом на неё, и глаза у неё заблестели. Она достала из сумки платок и прижала к лицу.

— Извините, — сказала она. — Я не хотела.

— Не извиняйтесь, — сказала Нора. — Это нормально. Только платок у вас сухой, вы его штопаете, что ли?

Лидия Петровна всхлипнула и засмеялась одновременно.

— Он был новый.

— Значит, я вовремя.

Катрин принесла ещё чай. За окном темнело, по стеклу ползли капли, и в зале стало совсем тепло. Лидия Петровна рассказывала ещё час: про то, как они познакомились, как он читал ей стихи, как она бросила ради него институт, а потом всё это куда-то делось, ушло в ремонты, в дачи, в дни рождения, в чужие вещи. Нора слушала и записывала, и в какой-то момент поняла, что это не так сложно, как она думала: слушать и задавать вопросы, на которые человек сам хочет ответить.

В шесть часов Лидия Петровна встала.

— Сколько я вам должна? — спросила она, полезла в сумку и достала кошелёк.

Нора посмотрела на Катрин. Катрин чуть заметно кивнула.

— В следующий раз, — сказала Нора. — Первая встреча бесплатно. С вас список к субботе.

— А если я не приду?

— Тогда я вам позвоню.

Лидия Петровна ушла, и они обе стояли у двери и смотрели ей вслед: женщина в сером пальто шла по мокрой улице, прижимая к груди сумку, и на повороте оглянулась.

Нора перевернула табличку на «Закрыто», закрыла дверь на замок и прислонилась к косяку спиной.

— Был клиент, — сказала Катрин.

— Был, — сказала Нора.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись одновременно. Катрин вытащила из подсобки коробку печенья, которую держала на чёрный день, и они сели на пол между диванами, как в тот вечер, когда ещё не было ни мебели, ни вывески.

— У нас был клиент, — повторила Катрин. — Нора. У нас был клиент.

— Только за него мы ничего не взяли.

— И что?

— И то, что завтра надо будет взять.

За окном прошла женщина с зонтом, за ней машина медленно проехала по луже. Улица блестела от дождя. Нора сидела на полу и смотрела на первую страницу блокнота, на которой взрослым ровным почерком было написано: «Лидия Петровна. Сергей Николаевич. Массажистка. Список к субботе».

Телефон в сумке пискнул, и она достала его уже без всякого раздражения.

«Как прошёл день?» — написал Виктор.

Нора посмотрела на Катрин, ухмыльнулась и напечатала:

«У меня был первый клиент».

Она отправила это и положила телефон на пол. За витриной шёл дождь, по улице ехали машины, и первый рабочий день подошёл к концу.

Глава 3

Список от Лидии Петровны пришёл в пятницу, ближе к вечеру, фотографией листка из блокнота. Десять пунктов, написанных ровным учительским почерком: «1. Горячий хлеб с маслом. 2. Запах сирени. 3. Плавать. 4. Смотреть, как кто-то чинит что-нибудь руками. 5. Старые письма. 6. Мороженое в парке. 7. Красные туфли. 8. Петь в машине. 9. Смеяться до слёз. 10. Жить одной.»

Нора прочитала два раза, потом позвонила.

— Пункт десять объясните.

— А что с ним?

— Он не про то, что вам нравится.

— Я знаю, — сказала Лидия Петровна. — Но я его написала, потому что он у меня первый раз в жизни.

Нора записала это в блокнот и сказала, что в понедельник у неё будет два кандидата, но с ними надо сначала поговорить, и чтобы Лидия Петровна не думала, что это будет сразу.

— Я не думаю, — сказала та. — Я вообще не понимаю, как это будет.

— Вот и я не понимаю, — сказала Нора. — Значит, мы обе в равном положении.

В понедельник кандидаты не появились. Ни один. Она разместила объявление, написала пятнадцати мужчинам, которых нашла на сайтах, и получила три ответа: один просил фотографии в купальнике, второй написал, что ищет женщину до сорока, третий спросил, а не мошенники ли они.

— Мы? — сказала Катрин, читая переписку через её плечо. — Мошенники?

— Ну, а как это выглядит со стороны? Сидят две девочки в помещении с вывеской «Разбитые сердца» и обещают любовь.

— И как?

— И нормально, — сказала Нора. — Надо только людям объяснить.

Она не знала, как объяснять. К вечеру у неё болела голова, в блокноте не прибавилось ничего, кроме пометки «Позвонить Лидии Петровне в среду», и она сидела в кресле у окна, глядя, как на улице зажигаются фонари.

Телефон пискнул в половине седьмого.

«Я недалеко. Выйдете?»

Нора посмотрела на сообщение и положила телефон экраном вниз.

— Это кто? — спросила Катрин.

— Никто.

— Ага.

— Что «ага»?

— Ничего. Просто ты покраснела.

— Я не покраснела.

Телефон пискнул снова.

«Если что, это Виктор с колесом».

— Я знаю, кто это, — сказала Нора в телефон.

Катрин встала и потянулась за сумкой.

— Я пойду, пожалуй.

— Куда?

— У меня дела.

— Какие у тебя дела?

— Такие, — сказала Катрин. — Закроешь сама?

Она вышла, и в зале стало тихо. Нора посидела ещё минуту, потом встала, поправила волосы перед зеркалом в тяжёлой раме и открыла дверь.

Виктор стоял на тротуаре, в куртке поверх рубашки, с двумя стаканами кофе в руках. Увидев её, он поднял один стакан, как поднимают бокал.

— Я подумал, что вторники у вас тяжёлые.

— Почему вторники?

— Не знаю. Вторник звучит тяжело.

Нора взяла кофе. Он оказался тот самый, из кофейни за углом, и это было приятно, хотя она не собиралась это показывать.

— И что дальше? — спросила она.

— Дальше я предлагаю погулять.

— Погулять?

— Погулять.

— Мне двадцать пять лет, а не восемьдесят.

— В восемьдесят тоже гуляют, — сказал Виктор. — Но им сложнее. Пойдёмте. Тут недалеко парк, я знаю дорогу.

Нора посмотрела на своё агентство, на тёмную витрину, на табличку «Закрыто», потом на него.

— У меня есть условие, — сказала она.

— Какое?

— Вы не будете рассказывать про Америку.

— Я там работал, — сказал он. — Не отдыхал.

— Тем более.

— Хорошо. А что можно рассказывать?

— Что угодно, кроме того, как вы выросли, какой у вас замечательный отец и сколько у него денег.

Виктор засмеялся, но не сразу, будто она попала в точку.

— Договорились, — сказал он. — Пойдёмте.

Они пошли по улице, мимо закрытых магазинов и машин у обочин, и он шёл слева от неё, со стороны дороги, как будто делал это всю жизнь. Нора заметила и ничего не сказала.

Парк начинался через два дома, за чугунной оградой, и от входа тянуло сырой землёй и жареными каштанами.

— Только одна просьба, — сказала Нора, когда они вошли в ворота.

— Ещё одна?

— Не называйте меня на «вы». Я от этого чувствую себя старше, чем есть.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Что угодно, кроме Америки, отца и денег.

— Именно.

— Тогда так: когда тебе смешно, ты будешь смеяться и говорить, над чем.

— Это как?

— Ну, ты уже один раз так смеялась. На дороге. Ты смеялась и не давала понять почему. Так вот, не надо так.

Нора посмотрела на него и не нашлась, что ответить. Они прошли ещё несколько шагов, и она сказала:

— Ладно.

— Спасибо.

— Не благодари.

Аллея была мокрая и пустая, фонари горели через один, и где-то в глубине парка играла музыка.

— Это откуда? — спросила Нора.

— Там эстрада. Летом по вечерам играют.

Они пошли на звук. На площадке у эстрады, под фонарями, танцевало несколько пар: пожилой мужчина в кепке и женщина в красных туфлях, две девчонки лет пятнадцати, которые

смеялись и наступали друг другу на ноги, ещё одна пара, где мужчина вёл очень аккуратно, а женщина смотрела не на него, а куда-то в сторону пруда.

— Я так не умею, — сказала Нора.

— Я тоже.

— Врёшь.

— Немного, — признался Виктор. — Меня заставляли. Мать говорила, что мужчина должен уметь приглашать.

— И как? Приглашал?

— Два раза. Оба неудачно.

Они стояли у ограды и смотрели, как пары двигаются по кругу, и музыка была старая, из тех песен, которые Нора слышала в детстве на даче, когда отец включал радио на веранде.

— А ты вообще чем занимаешься? — спросил он. — Я знаю про агентство. Что ещё?

— Ничего.

— Совсем?

— Совсем, — сказала Нора. — У меня нет ничего. Я живу с родителями, у меня есть машина, которую мне подарили, и карта, на которую мне кладут деньги. Всё, что у меня есть своего, — это помещение с вывеской и деньги, которые я нашла в коробке из-под кроссовок.

— В коробке из-под кроссовок?

— Долгая история.

— У меня есть время.

Нора посмотрела на него, потом на танцующих, потом на лужу у кромки асфальта, в которой дрожал фонарь.

— У меня был парень, — сказала она. — Не парень. Так, человек, с которым я два года ездила в рестораны. Он всё время говорил, что откроет своё дело, и всё время брал деньги у моего отца. А потом взял ещё немного и уехал. С девушкой из Новосибирска, у которой была своя квартира.

— Как его звали? — спросил Виктор.

— Клим.

Виктор замедлил шаг.

— Клим?

— Ты его знаешь?

— Мы вместе учились, — сказал он. — В институте. Он мне до сих пор должен.

Нора остановилась.

— И ты мне ничего не сказал?

— Я не знал, что это ты. Он про тебя рассказывал, без имени: есть девочка, у которой папа с ресторанами, и девочка эта ничего не сможет без папы.

— И ты поверил?

— Я думал, он врёт, — сказал Виктор. — Он всегда врал. Я не знал, что он ещё и берёт у твоего отца.

Нора смотрела на него и молчала.

— Поэтому ты не любишь, когда за тебя платят, — сказал Виктор, и это было не вопросом.

Нора обернулась к нему.

— Кто тебе сказал?

— Ты сказала. Дважды. Ты говорила об отце и о деньгах так, будто тебе за них надо отчитываться.

— Может, и надо.

Он помолчал.

— Я работаю у отца, — сказал он наконец. — Он у меня серьёзный человек, у него всё по плану. Я должен был вернуться и встать рядом. Я вернулся. Встал. И каждый день думаю, что это не моя жизнь.

— И что ты хочешь?

— Пока не знаю. Но я начал копить.

— На что?

— На то, чтобы однажды сказать ему «нет» и не думать, на что я буду жить.

Нора посмотрела на него иначе. Он не жаловался, не рассказывал, какой у него тяжёлый отец, и не строил из себя героя, который всё бросил. Он просто стоял рядом, в куртке поверх рубашки, и смотрел на танцующих.

— Пойдём пройдёмся, — сказала она.

Они пошли вдоль пруда, мимо скамеек, где сидели парочки, мимо ларька, где продавали мороженое. Виктор купил два стаканчика, и Нора, которая с детства считала, что вечером мороженое едят только дети, съела своё раньше, чем они дошли до следующего фонаря.

— Хочешь ещё? — спросил он.

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

Он засмеялся так, что ей пришлось отвернуться, чтобы он не увидел её лица. И тут он остановился.

— Нора.

Она обернулась.

— Ты сегодня два раза смеялась надо мной, — сказал он. — На дороге и сейчас. Над именем. И не сказала почему.

— Сказала же. Я о своём.

— Я хочу знать, что за «своё».

Нора посмотрела на него и поняла, что если сейчас начнёт объяснять, всё станет слишком просто и слишком смешно. Поэтому она сказала правду, но не всю.

— У меня отец всё время пытается меня с кем-то познакомить. Уже год. Я отказываюсь.

— И?

— И ты назвал имя, и я подумала, что это судьба так шутит.

Виктор смотрел на неё, и в его лице что-то изменилось, будто он хотел что-то сказать и не сказал.

— Понятно, — сказал он.

— Что понятно?

— Ничего.

Он сделал шаг, и она не отступила. Он поднял руку и коснулся её щеки, и Нора стояла и смотрела, как его лицо приближается, и думала, что надо бы сказать что-нибудь дерзкое, но ничего не придумала.

Он поцеловал её. Не сразу, сначала неловко, будто спрашивая разрешения, а потом увереннее, и Нора положила ему руку на грудь, на куртку, и почувствовала, как под тканью быстро стучит сердце.

Когда он отстранился, она стояла с закрытыми глазами и не открывала их ещё секунду.

— Ты мне нравишься, — сказал Виктор. — Я думал, что это пройдёт. Не прошло.

— Не прошло? — переспросила она. — Мы знакомы мало, но такое чувство, что давно.

— И у меня такое же чувство.

Он ждал. Она смотрела на его рубашку, на пуговицу, которую видела вблизи.

— Ты мне тоже нравишься, — сказала она. — Я не знаю, что с этим делать.

— Я знаю.

— Что?

— Ничего не делать, — сказал Виктор. — Просто быть рядом.

Нора фыркнула, и это вышло громче, чем она хотела.

— «Просто быть», — повторила она. — Ты всегда говоришь такими фразами?

— Только когда мне страшно.

— Тебе страшно?

— Очень.

Она посмотрела на него, взяла за руку выше локтя и потянула за собой по аллее.

— Куда мы? — спросил он.

— Уже поздно. Я хочу пить.

— Мороженое было ошибкой.

— Мороженое было лучшим, что случилось за сегодня.

Они вышли из парка на другую сторону, к стоянке, где стояла его машина, тёмная и не новая. Виктор открыл ей дверь.

— К тебе или ко мне? — спросил он, не садясь.

— У меня дома родители.

— Тогда ко мне.

Нора села в машину, и он закрыл дверь.

Квартира у него была на четвёртом этаже, в доме без лифта, и Нора поднималась по лестнице, держась за перила и слушая, как он идёт впереди и щёлкает выключателем на каждом пролёте. В подъезде пахло краской: ремонт делали недавно и доделать не успели, на стенах ещё висели куски плёнки.

— Не дворец, — сказал Виктор, отпирая дверь.

— Я заметила.

Квартира была маленькая: комната, кухня за перегородкой, узкий коридор. На полу лежал серый ковёр, у окна стоял стол с ноутбуком, на подоконнике — три книги и кактус в горшке. На стене висела карта Москвы, приколотая канцелярскими кнопками.

Нора остановилась посреди комнаты.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Я думала, у тебя будет по-другому.

— Как?

— Не знаю. Мрамор.

Виктор засмеялся и снял куртку.

— Мрамор у отца. А здесь я снимаю квартиру.

— Зачем?

— Затем, что мне тридцать один год и я не хочу жить в доме, где всё принадлежит ему.

Нора села на диван, который скрипнул под ней, и огляделась. На полке стояла старая камера, на стуле лежала футболка, на кухне капала вода из крана.

— У тебя кран капает, — сказала она.

— Знаю. Всё не соберусь починить.

— Так соберись.

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

— Хочешь чаю? Или вина?

— Вина.

Он достал бутылку из шкафчика, открыл, налил в две чашки, потому что бокалов не было. Они сидели на диване, пили вино из чашек, и Нора думала, что впервые за долгое время ей не надо ничего изображать.

— Расскажи что-нибудь, — сказала она.

— Что?

— Что угодно. Только не про работу.

— Я умею завязывать галстук с закрытыми глазами, — сказал он. — Меня научил дед. Он говорил, что это единственное, что мужчина должен уметь делать сам.

— Почему сам?

— Потому что всё остальное за тебя сделают другие.

Нора засмеялась и отставила чашку на пол.

— А ты его слушал?

— Всегда.

Он поставил свою чашку рядом с её, и между ними стало очень мало места. Нора видела его лицо близко: тёмные брови, горбинку на носу, морщинку между бровями, которая появлялась, когда он улыбался.

— Ты уверена? — спросил он.

— Я никогда ни в чём не уверена, — сказала Нора. — Но сейчас — да.

Он поставил чашку на пол, чтобы не мешала, и поцеловал её медленно, будто давая время передумать. Нора не передумала. Она положила ладонь ему на затылок, почувствовала короткие жёсткие волосы и потянула к себе, и тогда он перестал спрашивать.

Пальто он снял с неё сам, не глядя, стянул за рукава и бросил на пол. Потом взялся за пуговицы на блузке, и они поддавались плохо, потому что руки у него были большие и уже не совсем послушные, и Нора уже хотела сказать что-нибудь про это, но он расстегнул последнюю, и она забыла.

Его ладони легли ей на талию, тёплые и шершавые, и поднялись выше, на рёбра, под лопатки. Он притянул её к себе, и она почувствовала через рубашку его грудь, его живот, и внизу, у бедра, то, что не оставляло сомнений.

Нора вытянула руки из рукавов, отбросила блузку на спинку дивана. Он на секунду отстранился, чтобы посмотреть на неё, и от этого взгляда у неё внутри всё сжалось и потянуло вниз.

— Не смотри так, — сказала она.

— Как?

— Как будто запоминаешь.

— Я и запоминаю.

Она сама потянула его футболку вверх, через голову, и он поднял руки, чтобы помочь. Под футболкой оказалось тело, о котором не догадаешься по рубашке: крепкое, с тёмными волосами на груди и тонкой полоской светлее на плече, где загорало солнце.

Он расстегнул её лифчик, и это у него вышло быстрее, чем с пуговицами. Нора услышала, как она выдохнула, когда он взял её грудь в ладони, и соски от его пальцев стали твёрдыми и чувствительными, и каждое прикосновение отдавалось где-то внизу живота.

— Сюда, — сказала она, и он наклонился, взял губами сосок, и Нора запрокинула голову и упёрлась затылком в спинку дивана. Она слышала, как он дышит, как шершавая щетина царапает кожу, и в этой комнате, где пахло пылью, вином и им, ей вдруг стало мало воздуха.

Он спустился ниже, поцеловал в живот, потом взялся за пуговицу на её джинсах.

— Можно? — спросил он.

— Можно, — сказала Нора. — И давно можно.

Он стянул с неё джинсы вместе с трусами, и она осталась на диване почти голая, в одних носках, и ей стало смешно и неловко одновременно.

— Носки, — сказала она.

— Что?

— У меня носки.

Он засмеялся, снял с неё сначала один, потом второй, поцеловал в щиколотку, и от этого поцелуя у Норы свело пальцы на ноге. Потом его рука легла ей на бедро, поднялась выше, и

он коснулся её там, где было уже горячо и мокро, и Нора выгнулась навстречу и услышала собственный вздох.

Он делал это медленно, кругами, потом пальцами, и она вцепилась в его плечо и сказала:

— Хватит.

— Хватит?

— Не здесь. В комнату.

Он подхватил её и понёс, и она обхватила его ногами, уткнувшись лицом в шею, где пахло мылом и чуть-чуть улицей. По дороге он задел плечом косяк, выругался, и она засмеялась ему в шею.

Кровать была узкая, и они оба засмеялись, когда она скрипнула.

Он положил её на спину и на секунду замер, глядя на неё. Нора лежала на его подушке, и её волосы разметались, и она видела, как он смотрит на её грудь, на живот, ниже, и это было приятно так, что она сама развела колени.

Он потянулся к тумбочке, вытащил из ящика презерватив, разорвал упаковку зубами и раскатал по себе. Она смотрела на его руки и на то, как он напряжён, и ей захотелось потрогать самой, и она потрогала: провела ладонью по всей длине, и он выдохнул сквозь зубы и сказал:

— Погоди.

— Не буду.

— Нора.

— Ладно.

Он лёг на неё, и она почувствовала его у входа, и в этот момент ей стало не до шуток. Он вошёл медленно, наполовину, потом ещё, и Нора выгнулась, укусила его за плечо, и он тихо сказал:

— Тихо, тихо.

Она засмеялась, а он подхватил её смех себе в шею и начал двигаться.

Сначала медленно, так, что она чувствовала каждое движение, каждый сантиметр, и это было слишком хорошо и слишком мало одновременно. Она подмахивала ему навстречу, и кровать скрипела в такт, и они оба это слышали, и Нора подумала, что соседи, наверное, тоже.

— Тише, — прошептал он.

— Это ты тише.

Он зажал ей рот ладонью, и она лизнула его ладонь, и он засмеялся и убрал руку.

Потом стало быстрее, и она перестала думать о соседях, о скрипе, о том, как выглядит со стороны. Она держалась за его спину, за плечи, за волосы, и слышала его дыхание у самого уха и своё, как оно сбивается и становится каким-то чужим, высоким.

— Подожди, — сказала она и толкнула его в грудь. — Ляг.

Он лёг на спину, и Нора села сверху, упираясь ладонями ему в грудь, и вот так всё стало по-другому: она сама выбирала, как и насколько глубоко, и видела его лицо, его брови, его открытый рот. Он положил руки ей на бёдра, потом на ягодицы, сжимал и отпускал в такт.

— Вот так, — сказал он. — Господи, вот так.

Она ускорилась, и он приподнялся, обхватил её, прижался лицом к груди, и она почувствовала, как внутри всё поднимается, собирается в одну точку, и на секунду стало страшно, а потом её накрыло, и она услышала собственный голос, как будто со стороны, и упала ему на грудь.

Он перевернул её на спину почти сразу, и ещё несколько движений, и его тоже накрыло, и он застонал ей в плечо, коротко и глухо, и замер, и Нора чувствовала, как в нём всё дёргается.

Он остался сверху ещё немного, потом скатился на бок, и они лежали, тяжело дыша, и в комнате было темно, только с улицы шёл свет фонаря.

— Ты как? — спросил он через минуту.

— Жива, — сказала Нора.

— Я не про это.

Она повернула голову и посмотрела на него. Он лежал на спине, раскинув руки, и на груди у него блестел пот.

— Хорошо, — сказала она. — Очень.

— Спасибо.

— За что?

— Не знаю, — сказал он. — Просто спасибо.

Нора засмеялась, и это вышло тихо и как-то по-домашнему.

— Как тебя зовут? — спросила Нора.

Виктор приподнялся на локте.

— Ты шутишь?

— Нет. Я знаю, что тебя зовут Виктор. Я спрашиваю, как тебя зовут на самом деле.

Он подумал.

— Витя, — сказал он. — Так меня зовёт мать.

— Витя мне не нравится.

— Мне тоже.

Она лежала на его руке, смотрела в потолок и слушала, как у соседей за стеной работает телевизор.

— Ты знаешь, что ты первая, кому я это рассказал? — спросил он.

— Что?

— Что я хочу сказать отцу «нет».

— И как тебе?

— Страшно, — сказал он. — Но почему-то меньше, чем до того, как я сказал.

Нора повернулась к нему и положила голову на плечо.

— Я через год стану самой известной свахой в городе, — сказала она. — И тогда скажу отцу, что он ошибался. И тебе тоже скажу.

— Мне-то за что?

— За компанию.

Он засмеялся, и его смех отдался у неё в груди.

Она лежала с открытыми глазами ещё долго после того, как его дыхание стало ровным. Свет фонаря лежал на стене, на карте, на кнопках, и Нора думала, что не знает о нём почти ничего: ни отца, ни работы, ни того, что было в Америке. И что впервые в жизни её это не пугало.

Утром она ушла в половине восьмого, в помятой блузке, прихватив с собой его футболку. Виктор варил кофе на маленькой кухне, в одних спортивных штанах, и на спине у него были красные полосы от её ногтей.

— Останься, — сказал он. — Я сделаю яичницу.

— Не могу. Мне надо домой.

— Домой?

— Переодеться. И принять душ.

Он налил кофе в бумажный стакан, который нашёл в шкафу, и сунул ей в руки.

— Ты вернёшься?

— Не знаю, — сказала Нора. — Может быть.

— Это «да» или «нет»?

— Это «не знаю», — сказала она и поцеловала его в щёку. — Не провожай.

Она спустилась по лестнице, поймала такси у метро и всю дорогу смотрела в окно и улыбалась, а потом ловила себя на этой улыбке и сердилась.

Дома было тихо. Ворота открылись, машина отца стояла у крыльца, и это значило, что он ещё не уехал.

Нора вошла в холл, сняла пальто, повесила его на стойку и хотела подняться к себе, но в дверях кухни уже стоял отец, в рубашке и с чашкой в руке.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

— Ты знаешь, который час?

— Половина девятого.

— А ты знаешь, что дома ты не ночевала?

Нора вздохнула.

— Пап, я устала.

— А я нет. Я, между прочим, не спал.

— Тебе это идёт.

Отец поставил чашку на стол так, что она звякнула.

— Ты совсем обнаглела, — сказал он. — Я тебе не мальчик из клуба. Ты живёшь в моём доме, ты ездишь на моей машине, ты ужинаешь за моим столом, и при этом ты не считаешь нужным даже позвонить и сказать, что тебя не будет.

— Мне двадцать пять.

— Мне шестьдесят. И я всё ещё твой отец.

— Ну и что? Что ты сделаешь? Запрёшь меня? Отберёшь машину? — Нора прислонилась к стойке. — Отбери. Мне это не важно.

Отец посмотрел на неё, потом на её помятую блузку, потом снова на её лицо, и до него дошло.

— Ты была у мужчины.

— Я была у мужчины, — сказала Нора. — Это тебя удивляет?

— Меня удивляет, что ты не считаешь нужным это скрывать.

— А зачем скрывать? — Она улыбнулась. — Тем более что я тебе сама хотела сказать. Я познакомилась с парнем. Мы встречаемся.

Отец молчал.

— Его зовут Виктор, — сказала Нора.

— Виктор.

— Что? Это имя только у твоих партнёров?

— Не паясничай, — сказал отец, но в его голосе появилась трещина. — Кто он? Чем занимается? Чей он сын?

— Ничей. Он работает, снимает квартиру, ездит на старой машине и сам варит себе кофе. У него нет ни мрамора, ни водителя, ни папы, который всё контролирует.

— Ты специально.

— Я случайно, — сказала Нора. — Впервые в жизни мне повезло, и я не собираюсь это прятать.

Отец взял чашку, поставил её обратно и провёл ладонью по лицу.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? — спросил он. — Ты понимаешь, что в этом городе всё связано? Что завтра об этом все узнают?

— Пусть узнают. Пусть узнают, что у Норы Гордеевой наконец есть личная жизнь и ей не нужен папин список женихов.

— Нора.

— Я пойду приму душ, — сказала она. — И потом поеду работать. В своё агентство. Которое ты считаешь игрой.

Она поднялась по лестнице, и на середине услышала, как отец внизу снял трубку.

Он говорил тихо, но слов было слышно больше, чем он думал.

— Лев Аронович, здравствуй. Слушай, у меня вопрос. Твой сын же вернулся. И где он сейчас живёт?.. Нет, ничего. Просто спросил.

Нора закрыла за собой дверь комнаты и прислонилась к ней спиной. Сердце стучало где-то в горле.

Она ещё не понимала, что именно сейчас произошло, но что-то в отцовском голосе ей не понравилось.

Вечером она возвращалась из агентства усталая и злая: целый день провела с мужчиной по имени Аркадий, который час рассказывал ей про свою бывшую жену и ни разу не спросил, как её зовут. Катрин осталась закрывать, Нора поехала домой.

У крыльца стояли три машины, в окнах горел свет, и из приоткрытой двери слышались голоса.

Мать вышла в холл, вытирая руки о полотенце.

— Наконец-то.

— Что происходит?

— У нас гости. Лев Аронович с женой и их сын. Отец просил, чтобы ты вышла к столу.

Нора сняла пальто.

— Какой сын?

— Тот самый, — сказала мать. — Ну, о котором он тебе говорил.

Нора остановилась.

— Он здесь?

— Он здесь. Нора, только без сцен. Пожалуйста.

В гостиной сидели за столом, на котором стояли бокалы и тарелки с закусками. Лев Аронович, полный, с седыми усами, поднялся ей навстречу. Его жена, худая женщина в зелёном платье, улыбнулась. Отец сидел во главе стола. А рядом с ним, спиной к двери, сидел человек в тёмном пиджаке.

— Вот и наша Нора, — сказал отец. — Знакомься. Виктор, сын Льва Ароновича.

Человек обернулся.

Нора стояла в дверях и смотрела на его лицо, на горбинку, на тёмные брови, и в ушах у неё зашумело.

Виктор поднялся.

— Нора, — сказал он.

— Вы знакомы? — спросил отец, и по его голосу было слышно, что он знал ответ.

— Мы знакомы, — сказала Нора.

— Вот как.

— Мы встречались, — сказала она, глядя на Виктора. — Он чинил мне колесо на машине.

Лев Аронович засмеялся, но никто его не поддержал, и он замолчал.

— Так это ты, — сказала Нора.

Виктор смотрел на неё и не отводил глаз.

— Я не знал, правда.

— Что ты не знал? Что меня зовут Нора Гордеева? Что мой отец — партнёр твоего отца?

— Что ты Гордеева, — сказал он. — Я не спрашивал у тебя фамилию. И ты не называла.

— А про агентство ты знал. Про «Разбитые сердца». Ты знал, что я открыла его. И ты знал, что мой отец против.

— Знал.

— И ты ничего не сказал.

— А что я должен был сказать? «Кстати, кажется, наши отцы знакомы»? Я не знал этого. Я думал, у тебя обычная семья, которая считает, что ты играешь в бизнес.

Отец сидел и смотрел на них, как смотрят на сцену в театре, которую сам заказал.

— Так, — сказал он. — Значит, вот это и есть тот самый Виктор, который не богатый, работает у отца и снимает квартиру.

Нора обернулась к нему.

— Ты знал. Ты знал, кто он, и промолчал.

— Да, я знал об этом.

— И устроил этот ужин.

— Я хотел посмотреть, — сказал отец. — Я хотел посмотреть, как ты будешь себя вести, когда узнаешь правду.

— И как я себя веду?

— Как всегда.

Нора засмеялась, и это было хуже, чем если бы она кричала.

— Ты устроил спектакль. Ты привёл его в дом, посадил за стол и ждал, когда я войду. И ты, — она повернулась к Виктору, — ты пришёл. Зачем?

— Меня пригласил твой отец. Я ещё раз повторяю, я не знал, что это твой отец. Я приехал на ужин к партнёру отца, как приезжал уже один раз.

— И ты не спросил, у кого ужин? Не посмотрел адрес?

— Посмотрел. Это просто адрес. Я же ничего о тебе не знал в подробностях.

— Ты слышал, как я говорила про отца. Ты слышал, что он считает меня игрушкой, что он таскает мне женихов, что он позорит меня при всех. И ты не понял, куда едешь?

Виктор молчал.

— Не понял, — сказал он наконец. — Гордеевых в Москве много.

— Значит, ты просто не думал, — сказала Нора. — Ты вообще ничего не думал. Ты просто плыл, и всё складывалось.

— Нора, — сказала мать.

— Что? — Нора обернулась. — Что, мама? Я должна сесть за стол и улыбаться? Сказать: «Как удачно, папа, ты был прав, это прекрасный молодой человек»? Я не буду этого делать.

Она посмотрела на Виктора и сказала тише, но так, что стало слышно каждому:

— Я не хочу тебя видеть. Ни здесь, ни где-нибудь ещё. Чтобы ты больше не попадался мне на глаза.

Виктор стоял очень прямо. Потом он кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

Он взял со спинки стула пиджак, сказал отцу: «Извините за ужин», кивнул Льву Ароновичу и вышел в холл. Через минуту хлопнула входная дверь, и на крыльце заурчал мотор.

В гостиной стало тихо. Жена Льва Ароновича смотрела в свою тарелку. Лев Аронович кашлянул.

— Ну что ж, — сказал он. — Молодые люди разберутся сами.

— Ты довольна? — спросил отец.

Нора посмотрела на него.

— Да, — сказала она. — Впервые за вечер я довольна.

Она вышла из гостиной, поднялась к себе и закрыла дверь. За ней, внизу, снова заговорили, тихо и неловко, и кто-то стал собирать тарелки.

Прошла неделя. Потом вторая.

Нора работала. В понедельник она взяла первые деньги: пять тысяч за консультацию, женщина лет сорока, которую бросил муж после двенадцати лет, и Нора слушала её полтора часа, а потом сказала, что знает одного мужчину, который тоже недавно развёлся, но с ним

надо сначала поговорить. Женщина ушла, оставив на столе пять тысяч, и Катрин, глядя на эти деньги, сказала:

— Мы теперь официально зарабатываем деньги.

— Да, мы теперь официально зарабатываем, — согласилась Нора.

Она записала деньги в тетрадь, купила вторую тетрадь и начала вести в ней список мужчин: имя, возраст, чем занимается, что ищет. К среде в списке было девять человек, трое из них оказались её ровесниками, и один прислал фотографию с рыбалки, где держал щуку.

Отец с ней не разговаривал. За столом он молчал, смотрел в тарелку и уходил к себе, и один раз, когда она вошла в кухню, встал и вышел. Мать сказала ей: «Он не злой. Он просто не знает, как теперь». Нора ничего не ответила.

Работа шла хорошо, даже лучше, чем она думала: за две недели позвонили ещё пятеро, Лидия Петровна сходила с её кандидатом в кино и сказала, что он скучный, но что она впервые за полгода надела красные туфли. Нора записала это в тетрадь.

А по ночам она не спала.

Сначала она думала, что это от злости. Потом поняла, что лежит и вспоминает, как его руки лежали у неё на рёбрах и как он говорил «тихо, тихо». Она вспоминала не только это: как он сунул ей бумажный стакан с кофе, как шёл слева, со стороны дороги, как сказал, что копит, чтобы однажды сказать отцу «нет». И каждый раз, вспомнив это, она злилась сильнее, потому что злиться на него было проще, чем на себя.

Она стёрла его номер в телефоне в первый же вечер. С третьей попытки, потому что пальцы не слушались.

— Ты что-то не в себе, — сказала Катрин в пятницу. — Ты уже третий день мне не хамишь.

— Хамлю.

— Нет. Ты вежливая. Это плохой знак.

Нора складывала в ящик визитки.

— Я его вычеркнула, — сказала она.

— Кого?

— Ты знаешь кого.

Катрин села на стол.

— И как?

— Нормально.

— Нора.

— Что «Нора»? Он мне врал. Он приходил в мой дом, зная, кто я.

— А если он действительно этого не знал.

— Он мог тогда догадаться.

— А ты могла догадаться, что у него отец — партнёр твоего отца. Ты знала, что он работает у отца, что вернулся из Америки, что ему тридцать один. Ты сама не сложила.

Нора подняла на неё глаза.

— Ты на его стороне?

— Я на твоей стороне, — сказала Катрин. — Поэтому и говорю.

В шкафу, между её вещами, висела его футболка. Серая, с растянутым воротом, та самая, которую она украла у него утром. Нора не понимала, зачем это сделала. Хотела даже выбросить её, но так и не смогла этого сделать. Повесила на плечики, к своим блузкам, будто так и надо.

Однажды она её надела. Дома никого не было, она ходила по комнате, пила чай и смотрела на себя в зеркало, и в отражении была девушка в чужой серой футболке, с растрёпанными волосами, которая никому ничего не доказывает. Потом она её сняла и убрала в самый дальний угол полки.

В среду Катрин позвала её в клуб, и Нора согласилась, и даже надела то платье, которое выбирала сорок минут. В клубе было шумно и темно, играла музыка, и её дважды пригласили танцевать. Первый мужчина рассказывал про свою машину, второй — про свою бывшую. Нора простояла у бара полтора часа, выпила один коктейль, потом вышла на улицу и уехала домой.

— Ты чего? — спросила Катрин на следующий день.

— Скучно, — сказала Нора.

— Раньше не было скучно.

Нора пожала плечами.

В субботу она поехала к нему.

Она не собиралась, не решала, не готовилась. Просто после обеда села в машину, чтобы поехать в агентство, и оказалась на улице с домом без лифта, у подъезда с недоделанным ремонтом. Двор был пустой, на площадке играли двое детей. На четвёртом этаже в крайнем окне горел свет.

Нора заглушила мотор и осталась сидеть.

Она просидела так минут сорок. Мимо прошла женщина с собакой, из подъезда вышел мужчина с мусорным пакетом. В окне на четвёртом этаже кто-то двигался, и она не могла разглядеть, он это или просто тень от лампы.

— Глупо, — сказала она вслух.

Достала телефон. В контактах номера не было, но она помнила его наизусть: он написал его на салфетке, и цифры остались в пальцах.

Нора набрала: «Это Нора. У меня опять спустило колесо».

Посмотрела на текст. Стёрла.

Набрала: «Это Нора. Ты мне нужен».

Посмотрела. Стёрла.

Набрала: «Это Нора. Колесо спустило. Приезжай».

Палец завис над кнопкой.

За стеклом темнело, во дворе зажёгся фонарь, и в его свете стало видно, что идёт мелкий дождь.

Нора нажала «Отправить».

Глава 4

Он прочитал сообщение через двадцать минут.

Нора увидела две галочки, потом слово «прочитано», и положила телефон на колени экраном вверх. За стеклом шёл дождь, дворовой фонарь светил прямо в лобовое, и капли на стекле дрожали и сползали вниз.

Она ждала ответа.

Через десять минут она сказала себе, что он, наверное, в душе. Через двадцать — что он, наверное, ужинает. Через сорок — что он мог бы уже что-нибудь написать, хотя бы «привет».

В восемь она завела машину и поехала домой.

Дома было тихо. Отец с матерью уехали к кому-то на юбилей, в холле горел свет, и Нора поднялась к себе, села на кровать, не снимая пальто, и снова открыла телефон.

«Прочитано. 19:47».

— Ну и ладно, — сказала она вслух.

Она бросила телефон на подушку, встала, сняла пальто, повесила его в шкаф, и там, на плечиках между блузками, висела его серая футболка с растянутым воротом.

Нора взяла её, посмотрела и сунула в нижний ящик, под свитера.

В девять она легла. В десять встала и проверила телефон. В одиннадцать легла снова и на этот раз уснула.

Утром ответа не было.

Она пролежала в постели до половины двенадцатого, листая ленту, в которой ей было неинтересно всё, и держа телефон на груди, чтобы слышать, как он вибрирует. Он не вибрировал.

— Он не хочет с тобой общаться, — сказала она себе. — Он просто не хочет, и это нормально. Это бывает.

Она встала, приняла душ, оделась, спустилась в кухню и съела бутерброд, не чувствуя вкуса.

— Ты сегодня тихая, — сказала мать.

— Я всегда тихая.

— Нет, — сказала мать. — Ты редко тихая.

В воскресенье она трижды открывала переписку. Последнее сообщение висело внизу, одно, глупое, с этим «колесо спустило», и выглядело оно теперь совсем по-дурацки. Она набрала «Ну и молчи», посмотрела на это, стёрла. Набрала «Ты обиделся?» — стёрла. Набрала «Я не то имела в виду» — стёрла и убрала телефон в ящик.

В понедельник она пришла в агентство злая, как собака.

— Доброе утро, — сказала Катрин. — Ты чего?

— Ничего.

— У тебя лицо, как будто ты всю ночь решала задачу.

— Я плохо спала.

— Ага.

Нора сняла пальто, бросила сумку на диван и села за стол. В зале было тепло, пахло кофе, у окна цвели принесённые кем-то хризантемы, и всё это раздражало её до зубовного скрежета.

— Ты ему написала? — спросила Катрин.

Нора подняла на неё глаза.

— С чего ты взяла?

— Ты второй день смотришь в телефон так, будто он тебе что-то должен.

— Он мне ничего не должен.

— Вот именно.

Нора открыла тетрадь с клиентами, закрыла, открыла блокнот, полистала.

— Он прочитал и не ответил, — сказала она наконец.

Катрин села на край стола.

— Может, у него что-то случилось.

— Что у него могло случиться? Он взрослый человек с машиной и деньгами.

— Тогда, может, он не хочет с тобой разговаривать.

— Тогда он мог бы просто ответить! — Нора хлопнула блокнотом по столу. — Он взрослый мужик. Он может написать: «Нора, я не хочу тебя видеть, всё кончено». Это двадцать секунд. А он прочитал и молчит, как будто я ему никто.

— Ты его выгнала при своих родителях и его родителях.

— И что?

— И то.

Нора откинулась на спинку кресла и посмотрела в потолок.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо. Значит, пусть будет так.

Она взяла телефон, открыла переписку, нажала «Удалить чат» и подтвердила.

— Всё, — сказала она. — Больше я об этом не думаю.

— Ты только что удалила чат, — сказала Катрин. — Это значит, что ты будешь думать об этом весь день.

— Я не буду.

— Ты будешь.

— Катрин.

— Хорошо, — сказала Катрин. — Не будешь.

Она встала и пошла в подсобку за кофе, и в это время над дверью звякнул колокольчик.

Нора подняла голову.

На пороге стоял мужчина лет тридцати, в тёмно-синей куртке, с мокрым зонтом в руке. Он был высокий, в очках, с короткой светлой бородой, и он стоял и смотрел на неё, не говоря ни слова.

— Здравствуйте, — сказала Нора. — Вы к нам?

— Я, — сказал он и замолчал.

— Проходите.

Он вошёл, аккуратно поставил зонт у двери, чтобы не натёкло на пол, и она подумала, что за два месяца никто ещё этого не делал.

— Мне сказали, у вас тут… — он обвёл рукой зал, — … помогают.

— Помогаем, — сказала Нора. — Садитесь.

Он сел в кресло напротив, но садиться ему было неудобно: он всё время поправлял очки, снимал их, протирал о воротник куртки и надевал снова.

— Меня зовут Егор, — сказал он.

— Нора.

— Красивое имя.

— Спасибо. — Она открыла блокнот. — Рассказывайте.

Егор посмотрел на блокнот, потом на неё.

— А что рассказывать?

— Всё. Зачем пришли.

Он помолчал.

— Я не верю в любовь, — сказал он.

— Совсем?

— Совсем.

— А зачем тогда пришли?

Егор снял очки и стал крутить их в руках.

— Мне двадцать восемь лет, — сказал он. — У меня была девушка, четыре года. Мы снимали квартиру, у нас была собака, мы хотели ребёнка. А в феврале она ушла к своему начальнику. Просто собрала вещи и ушла, и собаку забрала.

— И вы?

— И я. — Он пожал плечами. — Я два месяца не выходил из дома. Потом вышел. И понял, что не могу смотреть на пары. Мне кажется, что все они врут.

Нора записала: «Егор, 28, 4 года, собака, ушла к начальнику».

— И что вы хотите от нас?

— Не знаю, — сказал он. — Честно. Я увидел вывеску, зашёл. Мне показалось, что если кто-то и может объяснить, как это работает, то здесь.

— Мы не объясняем, как это работает. Мы знакомим людей.

— Вот и познакомьте.

Нора подняла глаза и обнаружила, что он смотрит на неё. Не на блокнот, не на вывеску за окном, а прямо на неё, и смотрит долго, не отводя глаз.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— У вас еще есть вопросы?

— Нет, — сказал Егор. — Просто вы очень красивая.

Нора отложила ручку.

Обычно на такие слова она отвечала чем-нибудь колким или просто пропускала мимо. Сейчас она вдруг вспомнила телефон, лежащий в сумке, тишину в переписке, «прочитано» и то, как он не написал ни слова. И улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она. — Продолжайте.

— Что продолжать?

— Про начальника. Это интересно.

Егор заговорил снова, и чем дольше он говорил, тем ближе он придвигал кресло, тем чаще он поправлял очки и смотрел не в глаза, а чуть ниже, на губы.

— А вы? — спросил он через полчаса.

— Что я?

— Вы замужем?

— Нет.

— Парень есть?

Нора помедлила.

— Нет, — сказала она.

— Совсем?

— Совсем.

В этот момент из подсобки вернулась Катрин с двумя чашками. Она поставила одну перед Норой, другую перед Егором, но осталась стоять рядом.

— Катрин, — сказала Нора. — Это Егор. Егор, это Катрин, моя партнёрша.

— Очень приятно, — сказал Егор и поднялся так резко, что чашка звякнула.

— И мне, — сказала Катрин.

Она отошла к столу, но Нора видела, что она не села, а стоит и смотрит на Егора через зал.

— Так вот, — сказал Егор, садясь обратно. — Я хотел спросить.

— Спрашивайте.

— Можно я вас куда-нибудь приглашу?

Нора посмотрела на него: на его очки, на его бороду, на его руки, которые всё время что-то крутили.

— Это не входит в услуги, — сказала она.

— Я знаю, — сказал Егор. — Это отдельно. Это я не как клиент вас приглашаю.

— А как кто?

— Как мужчина, которому вы понравились.

Она могла сказать «нет». Слово было уже на языке, готовое, привычное. Но телефон лежал в сумке и молчал второй день, и это молчание было громче всего, что говорил Егор.

— Посмотрим, — сказала она и улыбнулась так, как улыбалась редко.

Егор просиял.

— Тогда я вам напишу.

— Напишите.

Он записал её номер, встал, долго искал свой зонт, хотя зонт стоял у самой двери, и ушёл.

— Что это было? — спросила Катрин, когда дверь закрылась.

— Что?

— Ты с ним полчаса ворковала, как… — Катрин поискала слово. — Как с клиентом, которому собираешься продать не то, что он просил.

— Он клиент.

— Он не клиент, — сказала Катрин. — Он пришёл не за этим.

Нора закрыла блокнот.

— А за чем он пришёл?

— За тобой, — сказала Катрин. — И ты это знаешь. Ты полчаса играла с ним в игру, потому что тебе позвонить некому.

Это было сказано прямо, и Нора почувствовала, как у неё вспыхнули уши.

— Не смей.

— Смею. Я твоя подруга, а не твоя сотрудница. — Катрин села напротив. — Мне он не понравился.

— Почему?

— Он похож на маньяка.

Нора засмеялась.

— На маньяка?

— Да. Ты не видела, как он на тебя смотрел?

— Как?

— Как будто уже всё решил. — Катрин поёжилась. — Он пришёл, сел и стал крутить очки. Снял, протёр, надел. Снял, протёр, надел. Ты хоть заметила, что он сильно нервничал?

— И что? — Нора округлила глаза.

— Забудь. — Катрин махнула рукой. — Просто мне он не понравился. Он не грустный, Нора. Он злой.

— Он четыре года жил с девушкой, и она ушла к начальнику. Он имеет право быть злым.

— Он имеет право быть грустным. А он злой. Это разные вещи.

Нора встала и пошла к окну.

— Ты преувеличиваешь.

— Может быть, — сказала Катрин. — А может, и нет. Но ты собираешься с ним куда-то идти, и я тебе говорю: не ходи.

— Я ещё ничего не решила.

— Ты решила, — сказала Катрин. — У тебя уже лицо такое.

Вечером пришло сообщение.

«Нора, здравствуйте. Это Егор. Я сегодня был у вас. Хотел спросить — вы свободны в четверг?»

Нора прочитала его, сидя на кровати, и посмотрела на часы. До четверга было два дня.

«Свободна», — написала она.

«Тогда, может, поужинаем? Я знаю одно место, там тихо и никто не мешает».

«Давайте».

«Отлично. Я заеду за вами в восемь. Адрес?»

Она отправила адрес и только потом подумала, что не должна была этого делать. Потом подумала, что это глупо, и открыла шкаф.

Платьев было много. Слишком много, по мнению Катрин, которая всегда говорила, что половину из них Нора ни разу не надевала. Нора перебрала четыре, потом пятое, потом села на кровать и зачем-то открыла переписку с Виктором.

Её не было. Она её удалила.

Она ввела его номер в поиск контактов. Номер не нашёлся, потому что она его тоже удалила. Тогда она открыла блокнот, куда когда-то записала его в кофейне, и нашла страницу с цифрами, и эти цифры были на месте, аккуратные, ровные, и она смотрела на них целую минуту.

Потом закрыла блокнот и взяла шестое платье.

В среду Катрин спросила:

— Ты всё-таки идёшь?

— Иду.

— Нора.

— Что? — Нора подняла глаза от тетради. — Что? Я взрослая женщина. Я иду в ресторан с мужчиной, который мне симпатичен. Ничего страшного не случится.

— Он тебе симпатичен?

Нора не ответила.

— Вот именно, — сказала Катрин.

— Я не обязана отчитываться.

— Не обязана, — согласилась Катрин и отвернулась к окну.

В четверг Нора провела в ванной полтора часа. Она надела платье, которое выбирала, — тёмно-зелёное, с открытыми плечами, — сделала макияж, надела серьги, которые отец подарил ей на двадцать три, и встала перед зеркалом.

В отражении была девушка, которой никто не пишет уже несколько дней. Девушка, которую выгнали, а точнее, которая сама всех выгнала, и которая теперь идёт на ужин с чужим человеком только для того, чтобы в её телефоне кто-то ещё, кроме Катрин, написал «ты как».

— Ну и ладно, — сказала она отражению. — Ну и пожалуйста.

Егор приехал ровно в восемь и не заехал во двор, а позвонил с ворот.

Нора вышла. Он стоял у чёрного седана, чистого, как из салона, в тёмном пиджаке и с букетом белых роз, и когда увидел её, букет на секунду замер у него в руке.

— Это вам, — сказал он.

— Не надо было.

— Надо.

Он открыл ей дверь, подождал, пока она сядет, и закрыл, и внутри пахло не кожей и не ёлкой, а каким-то нейтральным, чистым запахом, как в аптеке.

Ресторан был небольшой, на втором этаже, с тяжёлыми шторами и свечами на столах. Столик у Егора был заказан заранее, в углу, у окна, и когда они подошли, он отодвинул для неё стул.

— Тут тихо, — сказал он. — Я специально искал такое место. Чтобы можно было разговаривать.

Официант принёс меню. Нора открыла своё, но Егор мягко забрал его у неё.

— Можно я? — спросил он. — Я тут всё знаю.

— Попробуйте.

Он заказал закуски, рыбу, бокал белого для неё и красного для себя, и при этом всё время смотрел на неё, а не в меню.

— Вы любите рыбу? — спросил он.

— Люблю.

— Я так и думал.

— Почему?

— Не знаю. У вас лицо человека, который ест рыбу.

Нора фыркнула.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Он разлил вино, поднял бокал.

— За знакомство.

Они выпили. Вино было хорошее, и Нора почувствовала, как у неё отпускает плечи, как уходит то напряжение, с которым она ехала сюда.

— Расскажите про себя, — сказал Егор. — Я знаю только, что вас зовут Нора и что у вас агентство.

— А что ещё надо?

— Всё.

И она рассказала.

Не всё, конечно. Но она рассказала про отца, про то, что он считает её бизнес игрой, про то, что она хочет доказать, что может всё сама. Егор слушал так, как слушают редко: не перебивал, не смотрел в телефон, кивал в нужных местах.

— А вы? — сказала она наконец, потому что ей стало неловко от того, как много она наговорила.

— А я, — сказал он. — Я работаю в IT. У меня квартира в Хамовниках, машина, собака осталась у неё. Я не пью, не курю, не люблю шумные компании. И я очень хочу семью.

— У вас в анкете было бы много желающих, — сказала Нора.

— Я не для сайта это говорю. А для тебя.

Он накрыл её руку своей. Ладонь была сухая и холодная.

— Нора, — сказал он. — Я понимаю, как это выглядит. Я пришёл к тебе в агентство с глупой историей про разочарование в любви, а потом пригласил тебя на ужин. Наверное, это неправильно.

— Наверное.

— Но я увидел тебя и понял, что не хочу уходить.

Нора смотрела на его руку поверх своей руки.

— Вы что, влюбились за полчаса?

— Я не знаю, как это называется. — Он улыбнулся, и улыбка у него была хорошая, открытая, и от этого становилось ещё страннее. — Я знаю, что весь вечер думаю о тебе и что, когда ты отводишь глаза, я хочу, чтобы ты снова посмотрела на меня.

— Егор.

— Не говори «нет». Я не прошу ничего от тебя. Я просто говорю то, что думаю и чувствую.

Он убрал руку. И в этот момент, пока он говорил, Нора вдруг поняла, что он делал всё это время: он знал, что она любит рыбу, он знал, что у неё агентство, он знал про отца.

— Егор, — сказала она. — Вы пробивали меня?

Он не смутился.

— Я посмотрел в интернете.

— Что именно?

— Ну, — он пожал плечами, — твое агентство. Объявление. Твоё имя. Потом увидел фамилию, посмотрел дальше. Твой отец — Гордеев, у него сеть ресторанов, да?

Нора поставила бокал.

— И вы не сказали мне об этом сразу.

— А зачем? Ты бы сразу подумала, что я из-за денег за тобой ухаживаю.

— А вы не из-за денег?

Егор посмотрел на неё и очень медленно опустил глаза.

— Я из-за тебя, — сказал он тихо. — Мне деньги не нужны. Мне нужна женщина, которая меня не бросит.

За десертом он рассказал про свою бывшую: как она собирала вещи, как забрала собаку, как он потом месяц ходил мимо её дома. И чем больше он говорил, тем чаще повторял её имя и тем ближе он придвигался.

— Поехали, — сказала Нора, когда он в третий раз спросил, удобно ли ей.

— Уже?

— Уже.

Он расплатился, не позволив ей даже посмотреть на счёт, подал пальто и всю дорогу до дома рассказывал, что у него есть дача в Подмосковье, что он умеет готовить и что он никогда не повышает голос.

У ворот он вышел первым и открыл ей дверь.

— Спасибо, — сказала Нора. — Было… — она поискала слово, — …хорошо.

— Это я должен говорить спасибо.

Он сделал шаг к ней и взял за подбородок, и Нора отклонилась.

— Не сегодня.

Рука осталась в воздухе.

— Хорошо, — сказал Егор. — Я подожду.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Нора.

Она вошла во двор и, пока шла к двери, чувствовала спиной его взгляд. У двери она всё-таки обернулась.

Он стоял у машины и смотрел. Он не уехал ни через минуту, ни через две.

Утром в агентстве пахло розами.

Нора ещё с порога увидела большой букет в стеклянной вазе на столе, и Катрин, стоявшая рядом с кофе в руке, сказала:

— Твой.

— Откуда?

— Курьер принёс. В девять.

К букету была приложена карточка: «Хорошего дня. Егор».

Нора поставила сумку и посмотрела на розы. Двадцать пять белых роз, каждая в целлофане, и в зале сразу стало тесно.

— Он что, серьёзно? — спросила Катрин.

— Видимо.

— Ты ему сказала, что цветы не нужны?

— Не успела.

В двенадцать он написал: «Как проходит день?»

В три: «Ты сегодня обедала?»

В шесть: «Я рядом, могу завезти тебе кофе».

Нора ответила, что не надо. Но он привёз кофе.

Он приезжал каждый день. Иногда с кофе, иногда с коробкой конфет, один раз — с тортом, который испёк сам, и торт был невкусный, но Нора его съела, потому что он смотрел, как она ест.

Один раз он ждал её у самого дома, под фонарём, с зонтом в руке.

— Ты как узнал, что я уже еду? — спросила Нора.

— Ты говорила, что заканчиваете в восемь.

— Я не говорила.

Егор улыбнулся.

— Значит, угадал.

Он раскрыл зонт и пошёл рядом, и дождь стучал по ткани над её головой, и Нора поймала себя на том, что идёт быстрее, чем нужно.

— Твоё окно на втором этаже? — спросил он, подняв голову.

— Почему ты так решил?

— Свет горит только там.

Она посмотрела на свой дом. На втором этаже действительно горело окно её комнаты, и штора была задёрнута не до конца.

— Спокойной ночи, — сказала Нора.

— Спокойной ночи, Нора.

Она вошла в дом и, уже поднимаясь по лестнице, подумала, что надо бы спросить, откуда он знает, какое окно её. И не спросила.

Катрин перестала с ним здороваться.

— Он был тут вчера, — сказала она в среду. — И позавчера.

— Он внимательный, — сказала Нора.

— Он сидел в кресле два часа и смотрел, как ты пишешь в тетради.

— Может, ему нравится, как я пишу.

— Нора.

— Что?

— Ты же его не любишь.

Нора захлопнула тетрадь.

— А кто сказал, что я его люблю? Я с ним ужинаю. Мне двадцать пять лет. Я имею право ужинать с кем хочу.

— Имеешь, — сказала Катрин. — Только раньше ты ужинала с теми, кто тебе нравился.

В пятницу отец застал её в холле, когда она возвращалась.

— Кто этот человек? — спросил он.

— Какой?

— Который стоит у наших ворот на чёрной машине.

Нора сняла пальто.

— Его зовут Егор.

— Чем занимается?

— Работает в IT.

Отец помолчал.

— Ты с ним встречаешься?

— А тебе зачем это знать?

— Затем, что это мой дом, — сказал он. — И мне не нравится, что у моих ворот каждый вечер стоит чужая машина.

— Тогда скажи ему сам, — сказала Нора и пошла к лестнице.

В понедельник она заметила серую машину.

Она стояла через два дома от агентства, на другой стороне улицы, и в ней кто-то был. Нора вышла в обед, прошла мимо, и человек в машине поднял телефон.

Она подумала, что это ей кажется. А потом разглядела на заднем крыле длинную царапину, белую на сером, и перестала думать, что кажется: такая машина стояла у соседних ворот в тот вечер, когда она вышла от Катрин с деньгами в сумке.

Во вторник машина стояла там же. В среду — там же, но уже ближе.

Нора сфотографировала номер и вернулась в агентство.

— Смотри, — сказала она Катрин. — Я думаю, за мной следят.

Катрин подошла к окну, посмотрела и сказала:

— Это не Егор?

— У него чёрная.

— Тогда кто?

— Не знаю, — сказала Нора, и в этот момент телефон зазвонил.

Это был отец.

— Ты была в ресторане на Тверской в четверг, — сказал он. — С кем?

Нора села.

— Что?

— В четверг, в восемь вечера. Ресторан на Тверской. С кем ты там была?

— Ты за мной следишь, — сказала она.

— Я задал вопрос.

— Ты за мной следишь, — повторила она, и голос у неё сорвался не от страха, а от чего-то другого, холодного. — Ты нанял человека, который за мной ездит.

Отец помолчал.

— Я хочу знать, с кем моя дочь проводит время.

— Ты хочешь знать, — сказала Нора. — А я не хочу, чтобы за мной ездили.

— Пока ты живёшь в моём доме…

— Да сколько можно! — Она ударила ладонью по столу. — «В моём доме», «на моей машине», «за моим столом». Я что, вещь? Ты купил меня вместе с домом?

В трубке было тихо.

— Нора, — сказал отец.

Она повесила трубку.

Катрин стояла у стола и не двигалась.

— Он за тобой следит? — спросила она.

— Похоже на то.

— Нора, это…

— Я знаю.

Она взяла телефон и тут же положила. Ей хотелось что-нибудь сломать, но ломать было нечего.

— Я съезжу домой, — сказала она.

— Хочешь, я с тобой?

— Нет.

Она приехала в четыре. Машины отца у крыльца не было, в доме стояла тишина, и только на втором этаже, в кабинете, был приоткрыт свет.

Нора поднялась.

На столе лежала папка, а в папке — распечатанные фотографии. Она ужинала в ресторане, выходила из машины, стояла у ворот. Егор открывал ей дверь. Егор держал её за подбородок.

И на последней — Виктор, в своей машине, у её агентства, с поднятым воротником.

Нора смотрела на эту фотографию дольше всех.

Под фотографиями, в самом низу папки, лежал ещё один лист, сложенный втрое: печать, логотип банка и столбик цифр. Нора вытянула его наполовину, увидела слово «залог» и сумму с шестью нулями и вставила обратно. Снимок с Виктором она сложила пополам и сунула в сумку. В тот момент ей было не до цифр.

На следующий день Егор приехал в агентство к трём и привёз коробку с пирожными.

— Ты вчера была какая-то расстроенная, — сказал он, ставя коробку на стол. — Я подумал, тебе надо сладкого.

— Спасибо.

Он сел рядом с ней, не напротив, а рядом, и это «рядом» у него получалось каждый раз само собой. Его колено касалось её колена.

— Нора, — сказал он тихо. — Я хотел спросить.

— Спрашивай.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что будет через год?

Она посмотрела на него. В зале было пусто, Катрин сидела в подсобке с накладными, за окном шёл снег с дождём.

— В смысле?

— В смысле нас, — сказал Егор. — Я не тороплю. Я просто хочу, чтобы ты знала: я настроен серьёзно. Я не из тех, кто играет в любовь.

Он взял её руку и стал перебирать пальцы, один за другим, и Нора смотрела на его руки и думала, что ничего не чувствует, кроме желания, чтобы он отпустил.

— Егор.

— Я могу подождать, — сказал он. — Я умею ждать. Я буду ждать, сколько надо.

Дверь открылась.

Нора подняла голову и увидела Виктора.

Он стоял в дверях в чёрной куртке, с мокрыми от снега плечами, и смотрел на их руки.

В зале стало очень тихо.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй, — сказала Нора.

Егор обернулся.

— Вы к нам?

— Я к ней, — сказал Виктор.

— Мы вообще-то заняты, — сказал Егор и сжал её руку. — У нас консультация.

Виктор посмотрел на Егора, потом на Нору.

— У вас консультация?

Нора высвободила руку.

— Егор, дай нам минутку.

— Я подожду здесь.

— Егор, — сказала она. — Минутку.

Он встал, посмотрел на Виктора, потом на неё, и вышел в подсобку, но дверь за собой не закрыл.

Виктор подошёл ближе, но не сел.

— Я пришёл поговорить.

— Говори.

— Я получил твоё сообщение.

— Я заметила, — сказала Нора. — Ты прочитал его в семь сорок семь. Я специально посмотрела.

Он помолчал.

— Я не знал, что ответить.

— И ты не ответил. Вторую неделю.

— Я не вёл себя по-мужски, — сказал Виктор. — Мне надо было приехать в тот же вечер. Я не приехал. Я думал, что ты не хочешь меня видеть, и что, если я приеду, будет хуже.

— А теперь ты решил, что уже можно?

— Я решил, что не могу так больше, — сказал он. — Я не могу работать, не могу спать. Я хочу понять, что у нас было.

Нора встала.

— Что у нас было? — переспросила она. — Ты пришёл в мой дом и сделал вид, что не знаешь, кто я.

— Я не делал вид.

— Ты не сказал! — Она повысила голос. — Ты знал, кто мой отец. Ты всё знал, и продолжал играть.

— Я не знал, что ты Гордеева, пока не увидел тебя в этом доме. Тогда я всё понял.

— И что? Тогда надо было сказать сразу. Встать и сказать: «Нора, это я, тот самый Виктор».

— И что бы это изменило?

— Всё! — сказала она, и в этот момент из подсобки вышел Егор.

— Нора, — сказал он мягко. — Может, мне остаться?

— Останься, — сказал Виктор.

— Я не с тобой разговариваю.

— Егор, — сказала Нора. — Иди, погуляй десять минут.

Егор посмотрел на Виктора, потом на неё и взял куртку.

— Я буду в машине, — сказал он. — Если что, я рядом.

Он вышел, и дверь за ним закрылась.

— Он будет в машине, — повторил Виктор. — Это что вообще такое?

— Это не твоё дело.

— Это твоё «не твоё дело» я уже слышал.

— Да, слышал, — сказала Нора. — И ты ушёл. Ты всегда уходишь. Тебе сказали «уйди», и ты ушёл, даже не спросив, правда ли я этого хочу.

Виктор смотрел на неё.

— А ты хотела, чтобы я остался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.